

ВЯЧЕСЛАВ КАЛИКИНСКИЙ

ЛЕГИОНЕР

КНИГА ТРЕТЬЯ

Легионер

Вячеслав Каликинский
Легионер. Книга третья

«1С-Публишинг»

2023

Каликинский В. А.

Легионер. Книга третья / В. А. Каликинский — «1С-Публишинг», 2023 — (Легионер)

Вячеслав Александрович Каликинский – журналист и прозаик, автор исторических романов, член Союза писателей России. Автор известен своей серией книг «Агасфер» – пятью увлекательными шпионскими ретродетективами, посвященными работе контрразведки в России конца 19 – начала 20 века. В этот раз мы хотим представить еще один большой труд автора, одну из лучших его книг, посвященную судьбе реальной исторической личности – Карла Ландсберга – блестящего офицера, оступившегося и ставшего преступником, но в итоге через искупление и лишения принесшего много пользы нашей стране. Есть версия, что именно Ландсберг был прототипом героя знаменитого романа Достоевского «Преступление и наказание» Родиона Раскольников, хотя биографии у них конечно значительно отличаются. Он блистал в высшем свете Санкт-Петербурга. Ему прочили стремительную карьеру – вплоть до министерской. Он рухнул с этой лестницы, не добравшись и до ее середины. Сверкающий мир исчез за глухими тюремными стенами. Вслед за приговором общества свой приговор вынес Ландсбергу и преступный мир – те, кого сегодня называют ворами в законе. Ландсберга спасает недостроенный в свое время князем Шаховским тоннель, впрочем новая жизнь не избавляет его от старых врагов.

© Каликинский В. А., 2023

© 1С-Публишинг, 2023

Содержание

Пролог	5
Глава первая. Первое испытание Ландсберга	8
Глава вторая. Ландсберг обживается	24
Глава третья. Ультиматум	35
Глава четвертая. Настоящее испытание	47
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Вячеслав Каликинский

Легионер. Книга третья

Пролог

Остров Сахалин, самую дальнюю окраину Российской империи, от Евразийского материка издавеле отделяли буйные волны Татарского пролива. Его обитатели были до неприличия охочи до каждого мало-мальски интересного события в их серой каждодневной жизни. Неважно, что именно случалось – выбросило ли на побережье дохлого кита, или у кого-то родился шестипалый младенец – событие это неизменно обсуждалось на все лады целыми неделями. Любопытные продолжали ходить на место события даже после того, как оттуда исчезли последние следы происшествия. Надолго становилось главной темой всех пересудов и каждое появление в водах острова парохода либо парусника.

Стоило на рейде поста Дуэ появиться какому-нибудь норвежскому китобою, североамериканской торговой шхуне или английскому фрегату, как по обжитой людьми полоске западного побережья Сахалина словно смерч прокатывался. Чиновный люд спешно доставал из сундуков и проветривал от едучего нафталина парадные мундиры, жены чиновников устраивали слезливые и не без истерических ноток смотры своим нарядам. Чаше всего гардеробные страдания сопровождались беготней и походами к немногочисленным островным портным. В дни корабельных визитов напрочь забывались всяческие вечеринки и суаре с карточными играми и без оных, и все вольное население островной столицы и ближних поселков и постов совершало длительные променады по причалам и вблизи оных. Высоко ценилась всякая возможность свести с заезжими хоть короткое знакомство, а уж если счастливчик получал приглашение подняться на борт залетевшего в сахалинские воды судна, он тут же становился героем дня и на долгое время – самым желанным гостем в любом доме.

Сахалинские аборигены – в основном, отпущенные на волю поселенцы, бывшие ссыльнокаторжные – в такие дни тоже одевались поприличнее, сообразно своим доходам, и держались поближе к причалам. На приглашение в гости на корабль они, конечно, и не рассчитывали – слава богу, если подворачивалась возможность хоть как-то услужить хмельному норвежскому или британскому матросу, а паче того – иностранному офицеру. Услужить, выпросить у него если не купюру, то визитную карточку, чтобы тут же выставить ее на видное место в своей торговой лавчонке либо в избе, рядом с образами.

Оживлялись при появлении кораблей и многочисленные обитатели сахалинских тюрем, и преступный люд острова, мыкавшийся на воле. Новые люди на острове представляли для них желанную мишень для грабежей, разбоев, краж. Поэтому редкий визит в сахалинские воды какого-либо судна обходился без того, чтобы кого-то не избили, не ограбили, а то и вовсе не проломили бы голову.

А уж если судно было из далекой России...

Прибытие парохода из Европейской России живо обсуждали и в тюремных бараках, и на квартирах всех без исключения чиновников как тюремной, так и гражданской администрации острова. Немалый ажиотаж и живое обсуждение населения вызвало суетливое поведение прибывшего из очередного отпуска князя Шаховского. Его возвращения недруги его светлости ждали с особым злорадством, а маячивший на недалеком горизонте конфуз с «заблудившимся» в толще горы тоннелем обсуждался практически в каждом доме. Выдвигались самые нелепые предположения относительно реакции князя на случившийся позор и срам. И даже пари заключались – будет ли его сиятельство дожидаться разгромного разноса из далекой столицы, или сам подаст прошение об отставке?

Однако те, кому довелось попасть на пристань, единодушно отмечали бодрый вид его сиятельства, бывшее начальственное покрякивание на чиновную братию. Особо было отмечено то, что в коляску князя Шаховского был усажен ничем не приметный с виду каторжник, отличающийся от прочих арестантов разве что тюремной одеждой польского образца.

Впрочем, свидетели клялись, что в дом князя таинственный гость приглашен не был, а сразу же был отправлен на коляске его сиятельства к злополучному тоннелю.

Еще через полчаса кухарка князя, выскользнув из дома по какой-то кухонной надобности, доложила товаркам и подругам, что «сам» приехал вроде как довольный, туннельным конфузом ничуть не расстроенный. А если чем и оказался огорчен, так это свиданием со свояченицей, которой еще до отъезда в отпуск строго-настрого приказал уезжать с острова хоть к чертовой бабушке.

* * *

– Серж, я решительно не понимаю – что происходит? Вы возвращаетесь из отпуска один, без моей любимой сестрички Анастасии, и при этом ничего не желаете объяснять... Я задаю вам вопросы – а вы мечетесь по дому как дикий зверь и словно не слышите меня! Неужели заботы о каком-то каторжнике для вас важнее, нежели спокойное обсуждение семейных дел?

Князь Шаховской, не переставая мерить кабинет быстрыми шагами, искоса и с неприязнью поглядел на свояченицу. Сестра его супруги, собственно, никогда не отличалась ни умом, ни тактичностью. С самого своего появления на Сахалине Лидия Афанасьевна вообразила, что, приехав сюда, она сделала тем самым великое одолжение и сестре, и ее мужу, и двум своим малолетним племянникам. Подумаешь, облагодетельствовала!

Князь, наконец, остановился напротив свояченицы и откашлялся:

– Лидия Афанасьевна, я еще из Петербурга телеграфировал вам о том, что Настя с детьми остается там. И что я возвращаюсь сюда, собственно, ненадолго. Необходимо завершить здесь кое-какие дела и дожждаться распоряжения относительно моего нового места назначения и места службы. Надеюсь, что это будет Санкт-Петербург.

– Да, но почему я не могу поехать к родной сестре в Петербург вместе с вами? Почему вы категорически возражали против того, чтобы я поехала на воды с Анастасией?

– Потому что это решительно невозможно! Своего дома в столице у меня нет, как вы знаете, а в доме моего отца вам жить несколько... э... неудобно. В конце концов, у вас есть собственное имение, куда я давно предлагал вам отправиться!

– Серж, вы не любите меня и не даёте себе даже труда скрывать свою неприязнь. Вы же прекрасно знаете, что имение запущено, собственных средств у меня после смерти мужа нет. Неужели вы намерены отказать в уголке родной сестре вашей супруги – пусть даже это не ваш дом, а дом вашего отца? А как же мои племянники, которым так необходимы и мой присмотр, и жизненные наставления?

Шаховской фыркнул. «Жизненные наставления»! Не понимает дура, что ни она сама, ни ее нудные наставления ни сестре, ни ребятишкам не нужны! Нет, необходимо раз и навсегда покончить с этим! Разговор, конечно, достаточно неприятен, да и закончится, можно смело держать пари – слезами и обвинениями в черной неблагодарности. Но что прикажете делать, ежели ни намеков, ни деликатностей это старое чучело не понимает?!

– Лидия Афанасьевна, присядьте, прошу вас! И давайте начистоту, как это принято между родственниками! Смею напомнить, что вы приехали к нам погостить после смерти своего супруга четыре года назад. Да, Настя не могла отказать вам в приюте после этого несчастья. Но ваше гостевание, прошу прощения за прямоту, слишком затянулось! Да и бог бы с вами, живите уж, коли приехали! Но ваш характер, Лидия Афанасьевна! Вы измучили и моих детей, и меня, и родную сестру! Вы перессорились решительно со всеми дамами в нашем скромном

обществе! Мне перестали делать визиты – потому что жены моих сослуживцев и подчиненных отказываются бывать там, где их оскорбляют. Вы намереваетесь последовать за нашей семьей в Петербург, в дом моих родителей – нимало не смущаясь тем, что уже побывали там и оставили о себе самую недобрую память!

Свояченица громко зарыдала. Князь поморщился: началось!

– Сударыня, прекратите! Позвольте напомнить вам еще кое-что! Не далее как два года назад, уступая просьбам своей супруги, я выкупил часть закладных на ваше имение, погасил самые крупные просроченные векселя вашего покойного мужа и даже дал вам некоторую сумму с тем, чтобы вы привели усадьбу в порядок. Чем не добронравное занятие для одинокой женщины, которая направо и налево учит всех тому, чему сама решительно не желает следовать? И что же потом?

Шаховской, увлекшись обличениями, уткнул в свояченицу указующий перст:

– Вы со скандалом уехали, но уже через пару месяцев снова вернулись на Сахалин! Вы возвратились сюда, наделав в «альма матер» новых долгов. Позже мне шепнули, что вы вторично заложили имение, продав перед этим последнюю рощицу. И сюда вы вернулись, пардон за бестактность, без копейки денег! А нынче? Вспомните, сударыня: уезжая нынче в отпуск с семейством, я договорился с вами, что вы поедете в свое имение тотчас после нашего отъезда и попытаетесь все же привести его в порядок. Ежели помните, – ядовито напомнил князь, – я снова ссудил вам шесть тысяч рублей ассигнациями и обещал финансовую помощь и в дальнейшем!

– Серж, вы мелочны и жестокосердны!

– Сударыня, довольно! Позволить вам поехать в Петербург, к моей супруге и детям – значит не желать им добра. Позволить вам поселиться в доме у моих родителей я тоже не могу! Извольте: я немедленно подпишу еще один банковский чек – но при условии, что вы уедете отсюда нынче же, на «Нижнем Новгороде». Тверской банк будет ежемесячно выплачивать вам назначенный мною пенсион – но только при обязательном условии вашего проживания в своем поместье! Выплаты прекратятся, как только вы покинете поместье! И – все! Все, сударыня! Довольно! Перестаньте плакать и займитесь своим багажом! А мне, простите, недосуг! Тут и без вас голова кругом идет!

Не слушая дальнейших возражений и слезливых жалоб, князь выскочил из кабинета и с треском захлопнул за собой двери. Вызванные им еще с парохода трое чиновников окружного управления терпеливо ждали начальства в прихожей.

– Едем, господа! В этом доме даже спокойно поговорить нет никакой возможности! – на ходу бросил им князь, сбежал с крыльца и ткнул в спину кучера. – Сначала в контору, потом к Жонкьеру, дурак!

Глава первая. Первое испытание Ландсберга

Доставленный с «Нижнего Новгорода» к недостроенному тоннелю, прямо с «корабля на бал», Ландсберг ругательски ругал себя за неуклюжую попытку познакомиться и наладить отношения с местными арестантами. Встретили его настроенно, отвечали на простые вопросы со злой издевкой. Их можно было понять: такой же арестант, как и они, только каким-то образом сразу «фарт за хвост ухватил» и у начальства в милости оказался.

Раздосадованный своим промахом, Карл тогда поспешил отойти от костра, и невольно вздрогнул, когда кто-то вполне дружелюбно окликнул его:

– А ты, ваша милость, на них не обижайся! – вдруг шепнул кто-то рядом, почти в ухо. – Каторга людей злыми делает до невозможности...

Ландсберг обернулся: за его спиной с доской на плече стоял невысокий арестант с приятной улыбкой на молодом, но уже потасканном, оплывшем лице. Даже в неверном свете факелов были хорошо видны пронзительно-голубые глаза под свалывшейся паклей соломенным волос. Ландсберг слегка нахмурился: лицо этого человека показалось ему знакомым – хотя где он его мог видеть, пробыв на Сахалине всего лишь день? Может быть, эти голубые глаза и соломенные волосы напоминают ему другого старого знакомого, Васю-Василька из Литовского тюремного замка, где Карл сидел до суда?

– Какое же я тебе «благородие»? – осторожно возразил он, в любую минуту ожидая подвоха. – Такой же арестант, как и ты! Только, извиняй уж, с инженерным образованием...

– Такой, да не совсем! – покачал головой арестант.

Голос у него оказался не таким приятным, как внешность – хриплым и сорванным. Да и улыбка подкачала – зубов во рту, как разглядел Ландсберг, осталось совсем мало, да и те порченые.

– Лицо твое, друг мой, мне почему-то кажется знакомым...

Новый знакомец моргнул и так быстро отвел глаза, что Ландсберг не мог не насторожиться.

– Да тут, ваш-бродь, новому человечку все каторжники на одну морду. Известное дело!

Ландсберг продолжал сосредоточенно хмуриться и вспоминать. Псковская «пересылка»? Причал Одесского порта, где было собрано несколько железнодорожных эшелонов арестантов из многих российских тюрем и «централов»? Нет, никак невозможно: тогда этот голубоглазый должен был попасть в один «сплав» с Ландсбергом. А он тут явный старожил...

– Барин, может, тебе прислужник требуется? – не отставал голубоглазый. – Принести чего, подсобить? Я гляжу – ты большим человеком на каторге станешь. Вишь, как начальство вокруг вьется! Сам князь уважение выказывает...

– Барин, говоришь? – спохватился Карл. – А почему ты меня так назвал? Откуда кличку, в тюрьме мне даденную, знаешь?

– Дык земля слухом полнится, ваш-бродь. Личность ты известная, пароход ишшо в Корсаковском посту стоял, а здешняя каторга про твое прибытие уже знала, так-то! Дык что – возьмешь в прислужники?

– А ты кто будешь, мил-человек?

– Антоха я, Кукишем прозываюсь. «Пятнашку» тяну здесь.

– Понятно. Много уже «оттянул»?

– Четвертый годок пошел.

– Понятно, – повторил Ландсберг. – Ничего тебе пока сказать не могу, Антоха, ибо и сам про свое будущее не знаю. Поживем – поглядим. А помощник мне нынче и вправду потребует, когда утром съемку геодезическую здесь делать буду. Мне в прибор оптический глядеть надо, а помощник рейку держать должен в нужных мне местах. Может, видел – к тарантасу

прислоненная длинная полосатая жердь? Вот это и есть рейка. Только учти, заплатишь мне тебе за услуги пока нечем, у самого в кармане пусто. И неизвестно – будет ли?

– А и не надо! – повеселел Антоха. – Лучше жердь эту полосатую таскать играючи, чем камни да лесины ворочать! Дык я пойду, скажу десятнику, что ты меня берешь?

– Скажи, – усмехнулся Ландсберг.

Провожая глазами только что обретенного «помощника», он внезапно вспомнил, где его видел: на пароходе, куда для разгрузки местное начальство отрядило ватагу арестантов. Белоголовый паренек, уловив момент, «под шумок» сумел пробраться в буфет парохода и умыкнул оттуда несколько серебряных ложечек из капитанского прибора. Воришка был, впрочем, тут же «вычислен», да вот поймать его вахтенные матросы не успели: сбежал ловкач на берег.

Тогда Карл еще не знал, что несчастливым было то беглое знакомство. И что Антоху Кукиша отправил на пароход – приглядеться к каторжанскому новичку – сам «патриарх» Сахалинской каторги, Пазульский.

* * *

– Работы идут, Барин! – доложил Кукиш. – Только десятники «крысятничать», по моему разумению, стали. Ты уж того, меня не выдавай, а лучше во-о-н на те телеги последние погляди, Барин! Полупустые пригнали! Я тут с возчиками поговорил: тем было велено у дома войскового начальника полсотни лесин скинуть...

– Ты прямо у меня разведчик, Антоха! – усмехнулся Ландсберг. – За информацию спасибо, конечно. Но, во-первых, я тебя уже просил Баринотом меня не кликать. А во-вторых, с местным начальством мне пока ссориться не с руки, сам понимаешь. Скажут: не успел приехать, а уже людей гнет. Пусть воруют – лишние ходки с лесом придется делать, вот и все! А коли князюшка недовольство выразит темпами работ – вот тут и скажу при случае, что телеги полупустые из тайги идут. А дальше пусть сам разбирается. Понял, Антоха?

– Как скажешь, Ба... То исть, а как же мне тебя обзывать-то? Вашим благородием вроде не по чину. Господином начальником?

– Называй Карлом Христофорычем, Антоха, в самый раз будет.

– Будет исполнено, Христофорыч! – шутиливо взял под козырек Кукиш. – А мне чего делать прикажешь? Жердину полосатую таскать уже не надобно, надзиратели и так уже волками глядят, норвят кайло опять дать. А, Христофорыч?

– Скажу, чтобы посыльным тебя записали при конторе. Половину писарского жалованья получать станешь! Устраивает?

Кукиш сразу поскучнел, потупился.

– Спасибо, конечно, Христофорыч. Благодарствую. Только просьбу имею к тебе: коли окажешь такую милость с жалованьем, в руки мне денег не давай! Пусть у тебя денюжки лежат, копятся. Как ни буду просить – не давай! Я ж игрок, Христофорыч! Игрок и пьяница – мигом все спущу, да еще долгов понаделаю...

– Это хорошо, что ты честно признался, Антоха! Ладно, будь по-твоему: скажу, чтобы записывали на тебя жалованье, а в руки не давали.

– Вот и ладно! – снова расцвел Кукиш. – Ну а нынче чего сделать прикажешь?

– Пока учетчиком поработай! Ты же вроде грамотный?

– А то!

– Вот и считай телеги, лес, рабочих. Считай и в тетрадку записывай. Тетрадки нету? На, мою пока возьми...

* * *

...Лишь за час до полудня второго своего дня на каторге Ландсберг сумел сделать все необходимые для завершения строительства расчеты и вычисления. Набело чертеж делал уже в окружной канцелярии, где для него была срочно освобождена одна из комнат.

К двум часам пополудни Ландсберг уже был в присутствии заведывающего тюремной частью острова Сахалин князя Шаховского. Тут тоже ждать не пришлось: загодя предупрежденный князем порученец без доклада распахнул перед Ландсбергом двери начальственного кабинета.

Карл разложил перед князем чертеж и схемы местности, чуть в сторонке, для себя – листки с расчетами и записями.

– Мой отчет будет короток, ваше сиятельство, – начал он. – Съёмка местности на месте сооружения тоннеля и произведенные мной расчеты позволили выявить серьезные ошибки, допущенные и при проектировании, и при проходке горизонтальных штреков. Не были также соотнесены уровни входов в тоннель. Не желая обременять ваше сиятельство дальнейшими техническими подробностями, продемонстрирую вам результат. На этом чертеже нанесены проделанные проходы – это, чтобы вам было понятнее, как бы вид на срез горы Жонкьер сверху. А вот вид сбоку. Как видите, ваше сиятельство, начальная ошибка в сажень в толще горы достигла, по моим расчетам, от двух с половиной до четырех, ежели не поболее, сажений. Это в горизонтальной плоскости. Что же касается вертикальной, то тут...

– Не томите, Ландсберг, – почти простонал Шаховской. – Я, конечно, не специалист, но расхождение-то совсем пустяжное! Как-то можно исправить сие в короткое время?

– Разумеется, ваше сиятельство. Я вижу два пути исправления. Первый: примерно с двух третей уже проделанных штреков следует начать плавные повороты с одновременным заглублением одного, либо повышением горизонтального уровня второго. Иной путь более радикален и более короток: соединить два прохода коротким штреком. Взгляните на чертеж, ваше сиятельство: в проекции тоннель во втором случае будет иметь вот такой вид. Кривой, будет, прямо скажем-с...

– А время? Какого времени потребует каждый из предлагаемых вами путей?

– Первый – не менее двух-трех недель, при круглосуточной работе. Второй, с неизбежной кривизной – четверо суток максимум.

– Кривой, говорите? Черт с ним, Ландсберг, пусть будет изогнут, как собачий хвост, – лишь бы тоннель готов был! Давайте, голубчик! Приступайте!

Пообещав заведывающему всеми ссыльнокаторжными Сахалина и Приморской области полковнику князю Шаховскому исправить злополучный тоннель на мысу Жонкьер и спасти, тем самым, его карьеру, Ландсберг слово сдержал. По его указанию в одной из тупиковых ветвей тоннеля начали бить шурфы, направленные в сторону и вниз. К вечеру первого дня работы в тоннеле прогремела первая серия направленных взрывов. Самолично проверив состояние тоннеля и убедившись в его безопасном состоянии, Ландсберг направил туда проходчиков с кирками, лопатами и тачками. Потом серии взрывов гремели регулярно, и боковой проход стал углубляться в сторону второй ветки.

На третьи сутки безостановочной работы во второй ветке тоннеля стал явственно слышен шум ударов пробивающих смычку рабочих-каторжан, а ладони, приложенные к стене, ощущали близкое сотрясение породы. Увеличить темпы работы было невозможно, оставалось только ждать и надеяться на верность произведенных расчетов.

Шаховской приезжал сюда по несколько раз на день. Не шумел, не поторапливал, не просил и ничего не спрашивал – ждал. К исходу четвертых суток, послушав в пустой ветке

тоннеля приближающийся шум ударов кирки, князь с тяжким вздохом собрался было уезжать домой, однако Ландсберг задержал его.

– Рекомендую задержаться часика на полтора, ваше сиятельство, – чтобы потом за вами не посылать, – негромко сказал он. – Минут через сорок с той стороны закончат бить последний шурф под заряд динамита. Ну а потом, надеюсь...

– Я тоже надеюсь, голубчик...

После последней серии взрывов, едва дождавшись, пока осядет пыль, Ландсберг взял приготовленный загодя удлиненный лом, примерился, и со всего размаху воткнул его в мешанину камней и породы. Вонзил – и чуть не упал: лом с легкостью проскочил последний завал и почти весь исчез из виду.

– Расчищайте, ребята! – Ландсберг махнул рукой каторжникам с лопатами и кирками наготове, отступил в сторону. – Похоже, пробились!

– Пойдемте на другую сторону! – Это уже было сказано князю.

Пока обходили горушку и шли по тоннелю, смывка ветвей тоннеля уже произошла. Два чумазых каторжника пролезли в образовавшийся сквозной проход и бросились навстречу начальству:

– Так что поздравляем, ваше сиятельство, с благополучным завершением строительства! – едва не хором закричали они.

– Спасибо, братцы! – голос князя дрогнул, но тут же окреп. – Всей ватаге двое суток отдыха, мяса от пуза, два ведра вина! Ничего, ничего, возьму на себя и сей грех! Десятнику – предоставить списки рабочих, буду ходатайствовать о снижении сроков наказания. А на расчистку прохода – новую ватагу. А вы уж не обессудьте, проследите тут, господин Ландсберг! И вам бы отдохнуть, конечно, да пока недосуг!

– Не извольте беспокоиться, ваше сиятельство...

– Да-да, мы с вами, разумеется, еще увидимся. Сможете убедиться, что князь Шаховской слово держать тоже умеет, господин Ландсберг! Отныне вы – окружной инженер!

– Благодарю, ваше сиятельство. Не сочтите за дерзость – но нельзя ли каторжанскую одежду на цивильное платье сменить?

– На цивильное? – насторожился князь. – Не лишком ли круто для начала будет, господин бывший военный сапёр?

– Прошу понять правильно, ваше сиятельство: не для себя прошу – для дела!

– Это как? – не понял Шаховской.

– Очень просто, господин начальник. Четыре дня, пока я работами по тоннелю распоряжался, показали вполне очевидную вещь. Тюремные чиновники, десятники и прочее начальство, всякий раз меня арестантским халатом попрекали. И распоряжения выполняли крайне неохотно. Работы через пень-колоду делали, все на мое каторжанское обличье оглядывались. Вольная же одежда сбросит, надеюсь, с их глаз шоры. Им будет легче инженерские указания воспринимать. И мне легче будет их отдавать.

Князь продолжал барабанить пальцами.

– Впрочем, – решил Карл. – Впрочем, если вашему сиятельству моя просьба покажется несоизмеренной порученному мне делу – готов отправляться в барак, к прочим арестантам!

– Экий вы скорый, Ландсберг! «В барак!» Легкой жизни захотелось? Идите пока, мне подумать требуется! Сами понимать должны: дозволение сменить арестантский халат на сюртук вольного инженера может вызвать нежелательные последствия! И не столько для вас, сколько для меня! Меня могут обвинить в пренебрежении Уставом службы надзора над ссыльнокаторжными!

* * *

В контору князь Шаховской, собственно говоря, заскочил без особой на то надобности: надо было хорошенько обдумать дальнейшее использование осужденного военного сапёра. Не обращая внимания на поздравления сопровождающих его чиновников с благополучным завершением тоннельной «эпопеи», ближайшие полчаса князь провел в напряженных размышлениях.

Жизнь давно отучила князя от слепого доверия к кому бы то ни было, и в первую очередь – от доверия к самому ближайшему окружению. Доносы, склоки и подсиживания начальства издревле были в чиновной России делом самым обыденным. Немало карьер на памяти князя было разрушено, и не по злему умыслу, но благодаря чрезмерному стремлению окружающих подхалимов услужить начальнику.

Доносительство и склочничество, характерные для российского чиновничества, на окраинном Сахалине, по глубочайшему убеждению Шаховского, были развиты до степеней чрезвычайных. И в первую очередь потому, что далекая окраина империи изначально была превращена в чиновный отстойник, собирающий на острове и неудачников, и просто бездарных, равнодушных к делу людей.

Разумеется, среди серой чиновной массы, не нашедшей себе достойного применения в центральной России, попадались порой людские «жемчужные зерна». Попадались – но очень быстро, как правило, оказывались в безжалостных жерновах зависти, злобы, стремления низвести всё выдающееся до скотского уровня. Миновать эти жернова можно было всего лишь двумя путями – либо стать такими, как все, либо уехать отсюда куда глаза глядят.

Откровенное «гуманничье» князя с только что попавшим на каторгу Ландсбергом чиновное общество Сахалина ему, разумеется, не простит. «И „первый камень” в меня бросит эта старая ведьма, моя свояченица Лидия Афанасьевна, ни дна ей ни покрывки, – мрачно размышлял князь. – Эта кикимора попытается всячески избежать отъезда на «Нижнем Новгороде», и для этого наверняка попытается найти сочувствие у общества. Непременно найдет заступников, которые начнут кампанию против домашнего «деспота»! Но даже если и смиритесь с изгнанием, то за несколько дней, что судно простоит на рейде под разгрузкой, непременно по дамочкам окрестным подолом засвистит – рассказывать новость о невиданном доселе вольничанье Шаховского. А там и мужья тюремных дам подхватят – новость про «потакание» арестанту гораздо пикантнее, нежели, скажем, недавняя тягомотная история с чужой курицей, приبلудившейся ко двору поселкового священника».

Вспомнив про эту несчастную курицу, князь невольно поморщился, ибо и сам был в свое время невольно втянут в долгое и нудное «куриное дело». Дело-то было пустяшное, совсем зряшное, и могло быть порождено только отчаянной скукой сахалинских обывателей – а вот поди-ка! Ну не досчиталась бабенка своей курицы, пошла искать по посту. И обнаружила свою хохлатку во дворе у дьякона. И что, спрашивается, тут ужасного? Как поступит в подобной ситуации любой нормальный человек? Правильно: постучит к соседям и укажет на свою беглянку и случившееся недоразумение. Чиновница же вообразила, что священнослужитель дерзко похитил курицу! Позвав на подмогу мужа, она ворвалась в чужой двор, и, топчя чужих кур, принялась прямо на грядках ловить свою собственность. Поп со своей матушкой, естественно, возмутились, и принялись гнать захватчиков со двора.

Тьфу, стыд и срам, вспоминал Шаховской. В тот громкий скандал и перебранку немедленно включились все соседи дьякона и даже прохожие. Изгнанные со двора, куровладельцы обратились за помощью к полицейскому исправнику. Тот явился к «виновнику» и принялся пересчитывать куриное стадо. Дьякон возмутился нахальством вторгшейся в его владения полиции, пожаловался смотрителю округа – и пошла писать губерния! Взаимные жалобы

участников склоки уже через пару дней разобрал, кажется, весь чиновный Сахалин. Даже ему, заведывающему тюремной частью острова (тюремной, но ведь не куриной, прости, господи!) – и то несколько жалоб на «куриное дело» поступило...

Тоннельная эпопея князя Шаховского, помимо всего прочего, позволила ему выявить в своем окружении немало врагов, доселе умело скрывавших свою сущность. Собственно, они и продолжали умело маскироваться, и не будь у князя связей в высших сферах Санкт-Петербурга, сумели бы причинить ему немало неприятностей...

Целую пачку доносов на князя приватно показал ему дальний родственник, служащий по министерству сельского хозяйства. Министерство это ведало многими вопросами жизни и деятельности Сахалина – причем порой к аграрной и скотоводческой сферам никак не относящимся. Кроме того, дальний остров на окраине империи был «епархией» Главного тюремного управления – там у Шаховского, слава создателю, тоже нашлись вполне добропорядочные знакомые. В Главном тюремном управлении доносов на князя, кстати говоря, оказалось еще больше, причем имена доносителей уже были ему гадостно знакомы.

Первым чувством князя после знакомства с доносами на свою персону была, разумеется, жажда немедленной мести. С этим чувством, а также с предвкушением того, как уличит и растопчет гнусных «жаб, пригретых на груди», он по окончании своего отпуска сел на пароход «Нижний Новгород». Однако длительное путешествие доставило ему много времени для размышлений, и с мезью князь в конце концов решил не спешить. Тем более что отныне за «петербургские тылы» он мог не беспокоиться: и родственник в министерстве сельского хозяйства, и знакомец по Главному тюремному управлению клятвенно пообещали Шаховскому доказывать свою лояльность и впредь. Да и тоннельный прожект сулил в самом скором времени радужные перспективы – что само по себе должно отметить большую часть обвинений в княжеский адрес, вытекающих из жалоб и доносов.

Той несчастной курице на полгода обывательских пересудов хватило. Ландсберг – не курица, тут до Санкт-Петербурга жалобы на «гуманничание» князя непременно докатятся! Может, не стоит лишний раз рисковать нарушением тюремного устава, бога гневить? Помог разжалованный военный сапёр с тоннелем – теперь можно и списать его со счетов.

Шаховской прошелся по кабинету, остановился у окна, забарабанил пальцами по стеклу.

Ландсберг обещал закончить исправление тоннеля в четыре дня. Невелик срок, потерпел князь! И грамотный арестант слово сдержал! Что же касемо дальнейшего, в том числе обещанной должности и жалования... Тут слово придется держать, ничего не попишешь! И не от того, что перед осужденным стыдно будет – чувствовал заведывающий островными ссыльнокаторжными князь, что Ландсберг острову может еще пригодиться!

Шаховской вернулся за стол, так и не придя к окончательному решению. Ну не нравился, решительно не нравился ему этот Ландсберг! Еще со времени неприятной сцены во время плавания Шаховского взбесило его спокойствие и тяжелый, давящий взгляд. Нынче, во время опять-таки неприятного для князя и его болезненного самолюбия разговора, и уже на острове – Ландсберг держался с должной учтивостью, скромно. И давящего его взгляда на себе Шаховской больше не ловил. Но в том, что подобный Ландсбергу человек вряд ли забудет нанесенную ему обиду, Шаховской был уверен! И пароходную сцену он, конечно, помнит. И тут, обмани его князь с должностью и жалованием, – запомнит тем более! А вызывать гнев умного человека, будь то трижды каторжник, князю никак не хотелось. Долго Ландсберг будет ждать обещанного – а потом, видя, что обводят его вокруг носа, возьмет да и учудит большую гадость. С тем же тоннелем...

Черт с ним, решил Шаховской. Черт с ним! Желает ходить в статском – извольте, ваше каторжанское благородие! Он, схватив со стола серебряный колокольчик, яростно тряхнул им. Крикнул засунувшемуся делопроизводителю:

– Давыденкова ко мне! Жи-ва! Старших надзирателей, всех служащих по строительной части сюда! В бога, душу, и в сердце пресвятой богородицы!

– Слушшшсь, в-в-ше с-с-тво. Только, изволите ли видеть, почти все наши на Жонкьере! Шами же прикаж-жали, вашш-ство!

– Ты чего на меня шипишь как удав, Иван Сергеич? Знаю, помню про Жонкьер! Спихватились, мерзавцы! Раньше бы усердие показывали, когда Лозовский дурака с тоннелем валял! Найти всех, позвать!

– С-сл-ш...

– Опять?!

– Так что в видах отсутствия жу-жубов, вашш-ш...

– Молчи, аспид! Иди и молча исполняй! И вот еще что, Иван Сергеич: как организуешь, съезди-ка сам, голубчик, на казенной коляске к портному! Как его там – право, не помню... Соломон, Мордехай, Иаков... В общем, который мне в последний раз мундир строил. Уразумел, Иван Сергеич?

– С-с-сл-ш...

– Не шипи, вижу, что уразумел. Так вот: и с тем Мордехаем поезжай на Жонкьер, и, пока я тут нашим «хвоста накручиваю», пускай он быстренько сымет мерку с Ландсберга этого. Скажешь: я велел! Статскую пару к вечеру этот Иаков чтоб построил! Скажешь, с меня потом и получит за заказ, прохвост иудейский. То есть, с канцелярии, – поправился князь.

– С-сш-л... То исть, того Ландсберга на накрутку к вашш-ст-ш... то исть, не звать?

– Умный ты, Иван Сергеич! – устало покивал Шаховской. – Умный и догадливый... Аж чрезмерно, иной раз! П-шшел, аспид!

Дверь за делопроизводителем захлопнулась, дрогнули тяжелые портьеры.

* * *

В тоннеле еще вовсю шли работы, но князь Шаховской, держа слово, подписал распоряжение, коим официально назначил ссыльнокаторжного Ландсберга на должность архитектора-инженера в Дуйском округе. Всем чинам тюремного администрации было еще раз приказано: Ландсберга, боже упаси, не трогать!

Явившись принимать дела по инженерно-строительной части округа, Карл убедился, что «пожалованная» князем должность ни в коей мере не является синекурой и выражением начальственной благодарности за оказанные услуги. Строительные дела на Сахалине находились в состоянии крайнего запустения, а их ведение, хоть и весьма педантичное, скорее, было заслугой многочисленных писарей и всей бюрократической машины.

Прежний исполняющий инженерную должность чиновник Чепланов, к тому же, исполняющий ее крайне невежественно и без знания предмета ведения – чувствовал себя оскорбленным тем, что не только вынужден сдавать дела каторжнику, но и, в конечном итоге, в дальнейшем работать под его патронажем! Он без конца нервно вертел головой в тесном воротничке мундира, к месту и не к месту отрывисто вопрошал: «Что-с?» и делал глубокомысленные замечания типа «Не думаю, что сей вопрос является предметом вашей компетенции, любезный!», или «С этим без вас разберутся, милейший!»

Под стать Чепланову вели себя с «каторжным инженеришкой» и многочисленные мастера и десятники, собравшиеся в конторе. Они не давали себе труда проявить к Карлу чуточку уважения как к специалисту, громко обменивались едкими замечаниями в его адрес, без конца курили отвратительные папиросы, нарочно стараясь пускать дым в его сторону.

Над объемистой грудой снесенных со всей окружной канцелярии бумаг, имевших к строительству прямое и косвенное отношение, пришлось призадуматься. Вместе с должностью окружного инженера-архитектора на Ландсберга свалились обязанности мастера, про-

раба, чертежника и счетовода, а также множество прочих. Тут был и многострадальный причал в Дуэ, регулярно сносимый каждым штормом, и прокладка дорог на север и на юг от каторжанской столицы, проектирование телеграфных линий и ремонт и строительство многочисленных здания в Дуэ и на Александровской ферме, сооружение новых тюрем в Тымовском...

К тому же, в архитектурной службе округа, к немалому удивлению Ландсберга, не оказалось не только чертежников, но и соответствующих вакансий. Подвинутый с места «архитектор» так и не смог вразумительно объяснить – каким образом сия служба раньше обходилась без столь необходимых специалистов. Зато сразу отрезал: штатами на сей счет округ не располагает – а посему, любезнейший, обойдетесь без чертежников. А коли не можете, так и занимайтесь этим сами...

Пришлось опять идти на поклон к князю.

Визит к полковнику Шаховскому оказался весьма своевременным: тот как раз собирался посылать за Ландсбергом, чтобы тот проиллюстрировал подробнейший доклад в столицу об открытии тоннеля имени самодержца Александра III наглядными чертежами.

– В вашей канцелярии нет чертежников? Ну, это вы сами, голубчик, поищите – вам с ними работать. Штатным расписанием, говорите, не предусмотрены? Ну, это мы поправим! Какое число чертежников вы полагаете достаточным, господин Ландсберг? Два-три человека на первое время? Ну и прекрасно, я распоряжусь. А уж людей потребных вам знаний сами ищите!

– С одним грамотным человеком, сведущим в архитектуре, я познакомился еще во время плавания, ваше сиятельство. Его бы...

– Из нового сплава? За что осужден? Впрочем, какая разница... Составьте прошение на мое имя, укажите его фамилию.

Помолчав, князь решил сразу определить новому инженеру-архитектору круг его обязанностей:

– Ландсберг, вы уже получили в окружном управлении должность инженера по строительству. Работы у нас много! Извольте ознакомиться с планами тюремной и гражданской администрации по строительству и благоустройству Дуйского поста. Полагаю, саперы, умеющие взрывать дома и мосты, должны знать и то, как они строятся, не так ли?

– Непременно, ваше сиятельство. Я также знаком с инженерными решениями по прокладке каналов, оросительных систем, дорог и мостов, ваше сиятельство...

– Тем более! В нескольких верстах от поста Дуэ есть сельскохозяйственная ферма Александровская. Туда в ближайшее время будет перенесена наша островная столица, и, соответственно, большинство казенных учреждений. Думаю, что по строительной части у вас будет очень много работы. Полагаю, этот род занятий покажется вам более привлекательным, нежели... э...

– ...Нежели каторжные рудники, ваше сиятельство.

– Да-с. Так вот – должность эта ваша. Жалование вам по первому времени положат весьма скромное. Не как вольному чиновнику – ну, это вы, надеюсь, понимаете? Потом, с течением времени что-нибудь придумаем. Будете пользоваться полной свободой передвижения – в пределах острова, разумеется. Ну и рассчитывайте на мою полную поддержку!

– Благодарю, ваше сиятельство. Однако нынче меня более интересует день сегодняшней. Если изволите помнить, вы забрали меня прямо с парохода. И, как говорится, прямо на бал! Не будучи поставлен на довольствие и с полным отсутствием денежных средств, я второй день голодаю, ваше сиятельство...

– Бог мой, Ландсберг! Что же до сих пор молчали? Это моя вина! Знаете, просто как-то в голову не пришло, – Шаховской достал объемистый бумажник, вытащил оттуда несколько мелких ассигнаций. – Вот-с, не считите за обиду!

– Если позволите, я буду считать это одолжением, и непременно верну вам из первого же жалования.

– Пустое, не беспокойтесь, Ландсберг! Что-нибудь еще?

– Ваше сиятельство, меня также смущают некоторые нюансы моей будущей работы... Возможно, я попрошу сейчас у вашей светлости слишком многого, но, поверьте, только в интересах дела! Я тут только второй день, а мне уже бесконечно часто напоминают, что я господам чиновникам и надзирателям не ровня. Все мои вопросы, а паче того – самые деликатные пожелания по строительной части встречают у господ чиновников некое брезгливое сопротивление. Все мои рабочие распоряжения и указания воспринимаются едва не в штыки. Приходится повторять по несколько раз и грозить заслушание моим обращением к вашей светлости. Глядя на это, и каторжные рабочие начинают дерзить и ослушничать, причем на глазах чинов тюремной администрации и при их явном одобрении...

– Одобрении?! – Князь соскочил с места и забежал по кабинету. – Ну я им сейчас хвоста-то накучу! Долгонько не забудут, бездельники!

Ретроспектива-1

Еще до прибытия «Нижнего Новгорода» в прибрежные воды Сахалина телеграфисты каторжного острова из постов Корсаковский и Дуйского, разъединенные сотнями верст тайги и глухого бездорожья, не спали вторую уж ночь напролет, обмениваясь длинными депешами, причем отнюдь не служебного характера.

В нестриженный затылок телеграфиста из Дуэ Старковского, склонившегося над стрекочущим аппаратом, шумно дышали водкой и сопели с полдюжины приятелей-чиновников, которых интересовали самые различные подробности. Они поминутно просили оказавшегося нынче в центре внимания связиста уточнить те или иные детали.

– Господа, господа, помилуйте! – для вида сопротивлялся тот. – Как-никак это служебный провод... Не приведи господь, начальство прознает, про что мы тут с вами по казенному проводу о пустяках спрашиваем – нагорит-с!

– Да брось ты, Тимофей Капитоныч! Какое начальство? Ты тут и есть самый главный телеграфный начальник! Орел! Все видишь, все знаешь. – Его хлопали по плечам, подливали водки. – А ну-ка, спроси у Корсакова вот еще что...

Было уже за полночь, когда в комнату, где был установлен телеграфный аппарат, просунулся сторож.

– Чего тебе, Ефим? – раздраженно отвлекся телеграфист. – Недосуг мне, нешто не видишь? Потом...

Однако сторож не только не уходил, но и продолжал делать телеграфисту какие-то таинственные знаки, зовя того в коридор. Потеряв наконец терпение, Старковский выскочил за сторожем, прикрыл за собой дверь.

– А? Что? Кто, говоришь, спрашивает? Какой татарин? Ты что, Ефим, пьян? В холодной давно не ночевал, прохвост? Щас я тя вместе с татаринком твоим туда и определю!

Ефим, не обращая внимание на брань и угрозы, просунулся к самому уху телеграфиста и шепотом назвал фамилию, от которой телеграфист сразу начал трезветь.

– От Пазульского, говоришь? Чего ж раньше молчал, дубина? Где татарин-то?

Посланец-татарин ждал на улице. Сдернув картуз, он сдержанно, с достоинством поклонился выскочившему на крыльцо Старковскому:

– Извиняй, нашальник! Я не свой воля к твоя милость ночью пришел. Пазульский прислал. Он просит тебя хочет, нашальник, чтобы ты у Корсаковский телеграфный нашальник через твой провод спросил про один шеловек. Отшен просил он, Пазульский...

– Твоему Пазульскому откажешь! – хмыкнул телеграфист. – Конечно, запрос сделать можно-с... Про кого он знать желает? Про Барина? Это что – кличка, поди? А фамилия как у Барина энтова? Не знаешь? Ну вот – а как же я узнаю? Клички арестантские, любезный, только в статейных списках прописаны. А статейные списки пока на пароходе, понимать должно... Да и то – в общих списках-то только фамилии прописаны, кличек там может и не быть.

– Про фамилий я не знаю, нашальник. И Пазульский не знаю – он сказал только, что из немцев тот шеловек, клишка евонная – Барин. А спросить можно у корсаковский вертухай, он спросит у тех, кого там высадили с парохода. Они точно знают, нашальник. Спроси, сделай милость! А то Пазульский шибко сердитый будет!

– Попробую, – в сомнении покрутил головой Старковский. – Но не обещаю... Ты передай – это в Корсакове карантинного надзирателя просить надобно, вертухая по-вашенски. Ночь на дворе – может, он спит, а, может, и вовсе пьян. Передай – постараюсь, а там как получится. Сторожа пришлю, ежели узнаю. Где тебя искать-то?

– Как где – в кандальный турьма, нашальник! – усмехнулся в жидкую бородавку гонец. – Пусть майданщика спросит – меня там все знаю.

Вернувшись в аппаратную контору, Старковский был встречен нетерпеливым гомоном заждавшихся чиновников.

– Ты куда пропал, Тимофей? Корсаков застучался уже. Кто там тебя звал-то?

– Ты вот что, Тимофей! Еще спроси, а как...

Старковский принял поданную стопку, махнул ее без закуски, замахал перед открытым ртом ладонью, отгоняя сивуший дух, зачерпнул щепотью жменю квашеной капусты, прожевал, и только потом заговорил:

– Погодите, господа! Тут сам Пазульский гонца прислал, его запрос исполнить требуется...

Чиновники на минуту примолкли, поразинули было рты, но быстро опомнились и снова столпились вокруг телеграфиста, засыпали его новыми вопросами:

– Надо же – сам патриарх! Не врешь, брат?

– Надо же – Пазульский! А чего ему-то надобно?

– Сей минут, господа! Сейчас все расскажу, – Старковский склонился над аппаратом, отбивая в Корсаковский пост внеочередную депешу. – С Пазульским, с этим живорезом, шутки плохи, сами знаете! Очень он интересуется одним человечком из нового сплава, с «Нижнего Новгорода». Барин каким-то – есть ли он на пароходе...

– И кто ж таков Барин этот?

– Висельник, поди, какой-то? Судя по кличке – из благородных, должно...

– Сам ничего не знаю, господа! Бог даст – скоро узнаем, ежели мой корсаковский коллега справочки наведет. Ясно одно, господа: Пазульский просто так интересоваться кем попадя не станет.

– А откуда он про Барина этого прознал? Пароход-то в Косаковском еще! Дела-а...

– Сей вопрос не ко мне, господа! Одно скажу – в кандальной тюрьме, в номере Пазульского, самые отпетые сидят, сами знаете. Вот у Акима Иваныча спросите, он у нас старший надзиратель. Аким Иваныч, вот как на духу: говорил мне, что без дозволения Пазульского в камеру к нему сам заходить опасаться? Было дело? Верно?

– Верно, да не совсем, – несколько смутился старший надзиратель. – Не так немного, Тимофей: в самую кандальную заходить-то захожу, потому как – служба! А вот в «партамент» Пазульского, врать не буду, не ходок-с! Не велено-с. Не любит он этого-с... Самому чего надо – передаст. И мы туда не суемся просто так – потому как, честно признаюсь, жизнь дорога. Пазульскому мигнуть только – его прихвостни если не задавят, так зарежут, никакой караул не спасет. Да и чего я там забыл, у Пазульского? А про то, что живорезы наши все всегда знают – это точно! А вот откуда – шут его знает...

* * *

Знаменитого Пазульского, этого хилого и немощного уже в 90-е годы XIX века старика, действительно боялась вся каторга.

...Настоящих окон во всей Дуйской каторжной тюрьме для испытуемых было два – одно в казенном помещении, у входа, второе – в четвертом номере, где доживал свой долгий век патриарх сахалинской каторги, Пазульский.

В трех больших камерах-номерах тюрьмы половицы при постройке бросили прямо на землю, и со временем тяжелые лиственничные плахи буквально вросли в нее и только угадывались под слоем жидкой вонючей грязи, хлюпавшей под ногами двух сотен тюремных обитателей. В своем номере Пазульский велел сделать полы по-настоящему, на лагах. Он же распорядился и прорубить в стене настоящее окно, со стеклами и даже занавесками. Тюремная администрация ничего против сего самоуправства не имела: бежать Пазульскому было некуда, да уже и незачем. Да и захоти он покинуть острог – вряд ли кто осмелился бы встать на его пути.

В трех остальных номерах для света и вентиляции тюремные строители оставили в бревнах завершающего венца световые колодцы. Ни света, ни тепла сии колодцы не давали, ибо местные обитатели постоянно затыкали их тряпьем. Зимой для сохранения тепла, а в жаркую пору – для того, чтобы шум и крики арестантов лишний раз не привлекали внимания караульной команды и надзирателей со зрителями. Вентиляция здесь и вовсе оставалась понятием чудным, незнакомым и, стало быть, совершенно ненужным.

Визит в тюрьму для испытуемых человека с воли не был для Сахалина чем-то необычным. Не чинилось препятствий для выхода из острога и самим арестантам, а дремавшие у ворот солдаты караульной команды лениво окликали лишь тех, у кого на ногах звякали кандалы. Да и кандалникам, впрочем, было достаточно столь же лениво соврать про распоряжение господина надзирателя, и караульный снова погружался в дрему.

Сутки напролет в тюрьме чадно коптели светильники, понаделанные из глиняных черепков и наполненные свиным жиром. Свечи, впрочем, тоже были в ходу, однако использовались только при большой карточной игре. Игра же обычная, «будничная» шла в трех номерах тюрьмы сутками напролет, и прерывалась на одних нарах лишь с тем, чтобы с новым азартом продолжиться на соседних.

Там, где игра затухала, обычно оставалась проигравшаяся до последней нитки жертва – нередко голышом, лишь прикрытая жалким тряпьем, плачущая. Вот и в тот день тихо подвывал на нарах вольный мужик, заглянувший накануне в тюрьму на карточный «огонек» ради «спытания своего фарту». Разумеется, «фарт» здешних «мастаков» оказался удачливее, и к утру поселенец остался не только без гроша, но и проиграл с себя все, включая выдавшие виды обувь и картуз.

Держась за голову и подвывая, поселенец совершенно не замечал, что с верхних нар ему на голову сыплется подсолнечная шелуха – так лениво выражали ему свое «сочувствие» оставшиеся без развлечения зрители и свидетели только что закончившейся игры. Время от времени жертву однообразно окликали:

– Эй, дядя, как же ты без порток-то домой пойдешь?

Поселенец не отвечал, лишь вой его становился громче. Этот вой и привлек в номер пожилого татарина-майданщика. Заглянув в дверной проем, майданщик прикрикнул:

– Чего воешь, сволош? Проиграл – и иди себе домой, к своей баба. Или Пазульского разбудить хочешь? Разбудишь – совсем по-другому выть станешь. Ступай вон, кому сказал?!

– Так ён же без порток, Бабай! – хохотнули с верхних нар. – Как ему по посту идтить-то?

– Мой какой дело? Его никто сюда не звал. Штаны, халат надо – пусть покупают.

– На что покупать-то? – всхлипнул мужик. – Обувку – и ту отобрали, даром что подметки совсем отвалились. Слышь, Бабай, я тебе курицу принесу, вот те крест! Соседу в ноги упаду, он зажиточный. А то украду где-нито. Ты ж меня знаешь, не сбегу никуда с Сахалина ентого. А, Бабай? А ты мне штаны какие-нибудь и рубашку, а?

– Много вас тут шастает, штанов на всех у меня нету, – покачал головой майданщик. – И тебя я знай. Штаны возьмешь – и тут же на кон поставишь. Не дам!

Майданщика окликнули из темноты коридора, и тот заспешил на зов: просыпался Пазульский.

Для жизни на покое Пазульский, как уже упоминалось, выбрал один из четырех номеров каторжной тюрьмы, поселившись там с пятью самыми верными дружками и телохранителями. Остальные две с лишком сотни испытуемых без ропота разместились в трех оставшихся номерах.

Камеру, по повелению Пазульского, арестанты благоустроили как могли. Навесили дверь (остальные номера таковых по тюремному уставу не имели), прорубили окно. Лишний ряд двухъярусные нар Пазульский выбрасывать почему-то не велел. И часто прогуливался по своему номеру, перебирая руками стойки нар.

Изредка он выходил из своей камеры в длинной, ниже колен рубаше серого холста и таких же серых чистых портках, в неизменных обрезанных валенках, по непогоде дополняемых галошами, с посохом в руках. Гулял Пазульский всегда в одиночестве: приближаться к нему никто не смел, разве что сам покличет кого. В таком виде, с длинными седыми прядями и белоснежной длинной бородой, он поразительно походил на некоего библейского пророка, снизошедшего на грешную землю.

В то утро, 14 июня 1880 года, Пазульский проснулся, как всегда, в девятом часу утра. Без кряхтений, стонов и обычного для каторжников сквернословия открыл глаза, повернулся и не спеша сел на кровать, мастерски врезанную в нары. Захоти он – и сюда бы притащили настоящую кровать, хоть купеческую, с пологом и перинами, никто бы и слова не сказал. Но Пазульский велел сделать именно так – и сделали.

Стороживший каждое движение патриарха каторги глухонемой Гнат, состоявший при Пазульском в услужении еще с молодости, соскользнул с нар, выглянул в коридор, пихнул первого попавшегося арестанта, жестом велел позвать майданщика. А сам поспешил обратно, подхватив по дороге кувшин с водой для умывания и лоханью.

А там и майданщик Бабай подоспел с кринкой молока и теплой белой сайкой, завернутой в чистую тряпицу. Пазульский, не глядя, протянул руку, долго мял белый хлеб беззубыми деснами, запивал молоком. Бабай стоял рядом по-солдатски, не шевелясь и молча: вдруг Пазульскому чего понадобится еще? Такое редко, но случалось, а ждать патриарх каторги не любил.

– Ну, рассказывай, – наконец открыл рот Пазульский. Закончив завтрак, он желал услышать каторжные новости.

Нынче главной новостью Сахалина – и вольного народонаселения, и арестантов – было прибытие «с России» парохода, «Нижнего Новгорода». Пароход, правда, еще только стоял на рейде у поста Корсаковского, но на Сахалине телеграф уже действовал, и новость о пароходе по проводам исправно прилетела в островную столицу.

– Значит, новые души-страдальцы в нашу островную обитель прибыли, – понятиливо кивнул Пазульский. – «Нижний Новгород», говоришь? Что-то я слышал насчет этого «Новгорода», от кого только, дай бог памяти... Покличь-ка мне Архипа, Бабай!

– Слушаюсь, уважаемый! Булочка унести? Или оставить прикажешь?

– Оставь. Сегодня погоды вроде приятные, выйду потом, птах покормлю. А ты ступай...

– Публика в новом сплаве плывет как публика, обнаковенная, – докладывал вскоре вызванный к Пазульскому бессрочный каторжник Архип, наперечет знавший по именам и кличкам почти всех иванов России. – Галетники, одно слово.

Галетниками на сахалинской каторге презрительно именовали каторжан, попадавших сюда пароходами. «Настоящими» каторжанами, по разумению местных обитателей, считались лишь те, кто «измерил Расеюшку» ногами, прозвенел кандалами через необъятные сибирские просторы, прошел через ад печально известной Карийской каторги.

– Канешно, и среди галетников стоящие людишки водятся! – спохватился Архип. – Люди баили ишшо прошлой осенью, что с пересылок собирают на нынешний весенний сплав многих страдальцев истинных.

Загибая корявые пальцы, Архип начал быстро перечислять Пазульскому клички иванов, которых должен был доставить на Сахалин «Нижний Новгород».

– И Барин, уважаемый, непременно должен из Псковского централа прибыть, – со значением закончил свой перечень Архип.

Пазульский кивнул:

– Слышал, как же. Из благородных он вроде. И несколько душ не токмо в Псковском централе, но и в Петербургском тюремном Литовском замке загубил. Из офицеров он?

– Все ты помнишь, уважаемый! – восхитился Архип. – Точно! Из охвицеров, баили, сволочь! Дык ён и во Пскове бузу поднял перед самым этапом, несколько наших положил. Силищи, грят, необнаковенной тот Барин.

Пазульский усмехнулся, коротко взглянул на Архипа:

– Чего же ты за глаза сволочишь человека, Архип? Только за то, что благородное происхождение имеет? Так ведь и про меня говорят, что не простого роду-племени Пазульский. А?

Архип сжался, похолодел: хоть и не было злости в голосе патриарха, однако ясно было, что зазря он, Архип, неуважительно об арестанте из благородных отозвался. И примеры тому были – вот так же, негромко да ласково, Пазульский не раз и не два к лютой смерти людей приговаривал. А то и молча поглядит на немтыря своего Гната, тот неугодного тут же и придумит враз. И не вырвешься: лапы у немтыря нелюдской величины, лопату пальцами обхватить может.

– Извини, уважаемый, я со сна, должно, не то языком своим что ляпнул, – заюлил Архип. – А про тебя – что ты! Боже упаси! Про тебя плохо и подумать-то страшно, не то что сказать! Да и что сказать, коли ты всей каторге голова!

– Ладно тебе тархтеть-то! – Пазульский отвернулся, сплюнул прилипшую к десне крошку. – Ступай, не трясись тут, Архип, не серчаю нынче я на тебя! Поживи покуда, горемычный...

Тот, кланяясь, рванулся к выходу, на ходу мелко крестя пупок: пронесло вроде. Ан нет: окликает патриарх:

– Слышь, Ахипушка, уважь старика...

– Слушаю, почтеннейший! – мигом остановился Архип, замер в ожидании приказаний.

А Пазульский не спешил, «вхолостую» жевал мелко беззубыми деснами, размышлял о чем-то, заботливо собирал с подола длинной рубахи хлебные крошки. Наконец, удумал:

– Пришли-ка мне, Архип, попроворней кого... Хоть бы и Кукиша... Поищи, будь добр!

– Сей момент, с-под земли Кукиша предоставлю, почтеннейший! – с тем Архип и был таков.

Но «сей момент» не получилось: Кукиша в нумерах не оказалось. Проклиная все и вся, Архип искал проклятого Кукиша везде, пока случайно не столкнулся с ним в карантинном помещении другого тюремного здания.

* * *

В канун прибытия «Нижнего Новгорода» в Дуэ карантин для новоприбывших арестантов являл собой человеческий муравейник. Там царило суетливое оживление. Смотрители

тюрем, обычно не озабоченные санитарным состоянием камер и самих тюрем, к прибытию каждого парохода с новым сплавом карантин, по неписанной традиции, приводили в «божеское» состояние. Плотники из числа арестантов посылались наскоро заменить самые гнилые доски и стойки нар, уборщики отскребали с полов часть вековой грязи и непременно натащивали в карантинное отделение уйму еловых лап, разбрасывая их для «хорошего духа» под нары и на них.

Известие о прибытии парохода с новичками вносило радостное оживление и в номера Дуйской и Александровской каторжных тюрем. Почти все каторжане, за исключением разве что самых забитых «поднарников», предвкушали скорую разживу за счет новоприбывших. А наиболее отчаянные глоты, стремясь поспеть к разживе первыми, не упускали случая заранее спрятаться в карантине под нарами – чтобы успеть прежде прочих «остричь шерсть» с новичков.

Уловка была старой, всем знакомой, и поэтому надсмотрщик Ерофей Павлович Симеонов, доложив начальству о готовности карантина к заселению новоприбывшими, решил все же самолично обойти все помещения и потыкать длинной палкой с нарочно вбитым гвоздем во все подозрительные груды лапника – больше в камерах карантина спрятаться было просто негде.

Сопровождающий Симеонова староста отделения суетливо бежал впереди, с негодованием отбрасывая ногой с пути начальства мусор и кусочки лапника, поминутно оглядываясь и всем своим видом показывая готовность услужить.

– Так что, ваш-бродь, наши-то оглоеды все вроде на месте. Да и я туточки в оба глаза глядел, когда лапник-то заносили. Самолично! Не должно тут непорядку быть, ваш-бродь!

– «Не должно, не должно!» – передразнил старосту Симеонов. – А найду кого в карантине?

Кряхтя, надзиратель согнул спину и ткнул палкою в кучу елового лапника под нарами, откуда тут же послышался сдавленный вопль.

– Самолично, говоришь?! – надзиратель грозно и с торжеством поглядел на старосту. – А тут кто? Эй, морда! А ну-ка, вылазь на свет божий! Вылазь, говорю, пока не стрельнул!

Лапник под нарами зашевелился, и к ногам надзирателя выполз полуголый человек, едва прикрытый какой-то рваниной. Опасливо поглядывая на подбоченившееся начальство, человек судорожно поправил сползающие с тела тряпки и скорчил жалостливую гримасу:

– Так что заснул я под нарами, ваш-бродь! С устатку и по нечаянности...

– Кто таков?

– Так это ж Кукиш, ваш-бродь! Ён не в своем уме маненько, дело известное! – поспешил с ответом староста. И, оборотившись к арестанту, грозно добавил: – Я т-тебе, сволочь, покажу кузькину мать! Прятаться удумал, паскуда!

Симеонов, открыв было рот для гневной тирады, обреченно махнул рукой и отвернулся. Кукиш и есть Кукиш, чего с него взять?

– Гони его в шею отседа! – распорядился он и пошел тыкать палкой дальше. – Впрочем, погоди-ка! Закончу здесь осмотр, сведу негодяя в канцелярию. Три десятка «лозанов» по филейным частям в самый раз твоему Кукишу будут... За мной иди, сволочь!

Брел Антоха Кукиш за надзирателем понурый, в ожидании «лозанов» руки невольно тянулись к битой-перебитой спине.

Однако нынче повезло Антохе. Подталкиваемый старостой, он безропотно, лишь тихо поскуливая, шоркал босыми, в струпьях и грязи ногами впереди надзирателя получать розги. Но в тюремном дворе, уже перед самой надзирательской, дорогу Симеонову дерзко заступил Бабай. Майданщик, за спиной которого топтался посланец Пазульского Архип, сдернув, не слишком торопясь, шапку, поклонился надзирателю:

– Нашальник, Кукиша Пазульский к себе требует! Ищу, ищу его – а он вот где, сволош!

– Вот высекут сейчас твоего Кукиша, и пусть идет куда хочет, на здоровьице! – буркнул, не останавливаясь Симеонов.

– Твой воля, нашальник. Только Пазульский шибко быстро его звал. А если этот сволош после «кобылы» встать не сможет? Пазульский шибко сердитый тогда будет, нашальник...

Симеонов остановился, поскреб щеку. Вызывать недовольство патриарха каторги не хотелось. Черт с ним, с Кукишем, таких секи не секи – толку не будет, себе дороже выйти может. Он махнул рукой:

– Ладно, забирай своего Кукиша, Бабай!

Пазульский на оставленного пред очи патриарха Кукиша едва глянул, скривился и велел:

– Оденься поприличнее, мил-человек, и на причал ступай. Попасть тебе надобно в ватагу грузчиков. Пароход с Расеи пришел, а там есть человек один. Баринном кличут. Попадешь на пароход, присмотришь к нему, потом обскажешь, что и как. Ступай...

– А ну как не возьмут меня в ватагу? – робко поинтересовался Кукиш.

Пазульский на него только глянул еще раз и отвернулся, показывая, что разговор закончен. Пятясь, Антоха выбрался из «нумера» патриарха, пошел искать майданщика – больше взять приличную одежду в тюрьме было негде.

Бабай, прослышавший про поручение патриарха, безропотно выдал Антохе целые порты, почти чистую рубаху и арестантский халат с «бубновым тузом» на спине, без которого арестантам в поселке появляться было строжайше запрещено. Только предупредил:

– Пропьешь барахло – в земля по уши забью! Наказ Пазульского исполнишь – и ко мне бегом, сволош! Весь барахло вернешь!

Поручению Антоха обрадовался: на корабле, если держать ушки на макушке, легко можно пожить. Мелкого и крупного добра там – пруд пруди! И в ватагу каторжников, поставленных на разгрузку, он легко попал, – только и понадобилось, что упомянуть старшине про приказ Пазульского.

Утомляться перетаскиванием с корабля на баржу тяжелых ящиков и тюков Кукиш посчитал невместным. Сделав пару ходок, он заметил в распахнутом иллюминаторе вывешенную для просушки матросскую форменку, стянул ее, приметный арестантский халат скинул и спрятал. Накинул форменку и, хоронясь от караульных, сумел-таки пробраться в буфетную и сунуть за пазуху дюжину серебряных ложек. Выбрался на палубу, снова надел халат и, донельзя довольный, стал высматривать интересующего Пазульского человечка. Высмотрел, увидел, как того с почетом увезли вместе аж с начальником всей каторги на тройке.

Сумел Кукиш и перекинуться парой-тройкой фраз кой с кем из новоприбывших иванов, которых свозили на берег в баржах. Как и ожидалось, ничего доброго от них о Барине узнано не было. А Антохе все равно – лишь бы было что Пазульскому рассказать, да краденые ложечки уберечь. Покрутившись на «Нижнем Новгороде» часа три, он ковырнул в носу щепкой: добился, чтобы потекла кровь. И как пострадавший на очередной барже был отправлен на берег.

На барже везение Кукиша и кончилось: кто-то из караульных матросов увидел у него под халатом форменку. Антоху обыскали, нашли умыкнутые ложки. Провожаемый пинками и затрепинами, Кукиш был с баржи выброшен.

Ну что поделаешь: не было нынче для Антохи форта! Смыл он наскоро кровь с физиономии и побрел с докладом в тюрьму.

– А-а, Кукиш! Проходи, проходи, мил-человек! Спасибо, что не забыл старика, что вспомнил! – Пазульский был в хорошем настроении с утра: видно, ничего в нутрянке не болело, не ёкало. Шутил, посмеивался старческим дребезжащим хохотком. – Что скажешь, Кукиш? Как поручение мое сполнил? Всё про Барина разузнал?

– Сколь мог, уважаемый! Старался, уж старался ради тебя! Вот и задержался...

– Ну, рассказывай! – прижмурившись, кивнул Пазульский. И так же, не открывая глаз, медленно откинулся назад, на заботливо подставленную верным Гнатом подушку.

Глава вторая. Ландсберг обживается

Покидая княжеский кабинет, Ландсберг был донельзя доволен тем, что нашел повод похлопотать за своего «кумпаньона», Михайлу Карпова. Сначала Карл думал было взять его к себе писарем – эту братию в островные канцелярии набирали из грамотных каторжников. Однако свободных писарских вакансий на момент появления Ландсберга в канцелярии архитектора-инженера не оказалось, и чтобы взять Михайлу, новому инженеру пришлось бы кого-то увольнять – то есть с самого начала напрочь испортить отношения с многочисленной писарской братией. Пришлось рискнуть: князю Михайла был представлен чертежником. Впрочем, Карл не сомневался, что смысленный мужичок с «нечаянным» гимназическим образованием под его руководством справится с простейшими чертежами.

Не теряя времени, Ландсберг тут же составил прошение на укомплектование штата инженерно-архитектурной конторы чертежниками. Во втором прошении он указал фамилию Михайлы. Оба прошения князь, не читая, размашисто подписал – лишь через секретаря-порученца напомнил о необходимости завтра же получить перечень самых неотложных работ.

Передав подписанные прошения начальнику канцелярии и, не обращая внимания на насмешливые и озлобленные реплики Чепланова и его команды, Карл покинул контору, и на закрепленной за ним коляске поехал вершить свои дела. Первым делом он завернул на предоставленную ему квартиру, передал все еще перепуганному домохозяину полученную от князя сумму и распорядился насчет столования.

Приняв ассигнации обеими руками, поселенец Фролов преисполнился еще большего ужаса:

– Это куда ж, ваш-бродь, этакую уйму деньжищ мне прятать прикажете?

– А ты не прячь, Фролов! Походи по лавкам, сделай необходимые закупки продуктов, посуды прикупи – чтобы всякий раз за сковородкой к соседу не бегать.

– Сопрут! – пригорюнился Фролов. – Как Бог свят, сопрут! Да еще и башку проломают!

– Не сопрут! – рассмеялся Ландсберг. – Я нынче же компаньона своего к нам поселю, Михайлу Карпова. Он в каторге второй раз, в авторитете у сволоты здешней. Слушок о том, что здесь «свой» для варнаков живет, быстро разлетится – никто больше тебя не ограбит, не обидит. Понял? Я к вечеру вернусь: в Воеводское съездить надобно по строительным делам. Так что насчет ужина расстарайся уж, мил-человек!

– В Воеводское ехать? – переспросил кучер, сдвигая картуз на самый затылок и с сомнением поглядывая на колеса брички. – Сумневаюсь тады, господин анжинер, что к вечеру возвратнётся! Скорее, колесья на первой же версте отлетят. Туды на ломовике ехать сподручнее, господин анжинер. В контору надо вертаться и просить у начальства ломовика.

– Ну, на конюшне я и без начальства телегу вытребовать взять могу, – пожал плечами Карл. – Неужели в Воеводское такая дорога плохая?

– Дорога? Энто тока название одно, что дорога, – сплюнул кучер. – Сам увидишь, господин анжинер. Так что, без записки из конторы на конюшню прикажешь ехать?

– Поехали, поехали, дядя!

* * *

Вопреки планам Ландсберга потратить на недалекую поездку несколько часов, вернуться в поселок пришлось гораздо раньше. И не на взятой с конюшни телеге, а пешком, ведя охромевшую лошадь в поводу. Саму телегу, не выдержавшую сопротивления с пнями и мощными

корнями, вылезавшими из глинистой заболоченной земли, точно гигантские змеи, пришлось бросить на так называемой дороге.

С этой, самой первой своей поездки по острову, Карл был поражен и состоянием дороги, и крайним невежеством ее строителей. Напрасно кучер, пряча в кудлатой бородачке ехидную улыбку, уверял «господина анжинера» в том, что на острове иных дорог просто нет. Ландсберг недоверчиво качал головой и был убежден, что сия дорога в Воеводскую падь находится в удручающем состоянии по причине своей невостробованности, и что туда существует нормальная дорога; кучер же, желая поиздеваться над сахалинским новичком, просто повез его по какой-то богом забытой первобытной тропе.

Прошло совсем немного времени, и новый инженер окончательно убедился, что кучеру и в голову не пришло издеваться над ним, а на острове словно никогда и не слышали о несложных, в общем-то, правилах строительства и содержания проезжих путей. Если на Сахалине дорогу били через тайгу, дело ограничивалось вырубкой неширокой просеки, причем пни вырубленных деревьев корчевать никто не удосуживался. Просека засыпалась обрубленными сучьями, и дорога считалась пробитой. Через месяц, много через два «засыпка» из сучьев между пнями размывалась дождями, растаскивалась колесами проезжающих экипажей и телег, пни и корни вылезали наружу так, что переставлять здесь ноги могли лишь привычные местные лошади. Что же до колес и осей телег, то они «летели» здесь на каждом шагу.

Ландсбергу с его не столь давним саперным опытом нетрудно было догадаться, что сырой и дождливый сахалинский климат через самое малое время заболачивал проделанную просеку так, что конному путнику проще и безопаснее было пробираться не по такой «дороге», а рядом с ней.

Водоотводных канав вдоль дорог на Сахалине тоже не делали. Как будто, дивился Ландсберг, местные жители, родившись на острове, сроду не бывали на материке и никогда не видали, как устроены дороги там.

Сдав на конюшне повредившую ногу лошадь и вытребовав новую телегу, Ландсберг приказал кучеру ехать в сторону Тымовского. Но и тут приличная дорога кончилась, едва путники миновали Александровскую ферму: путников встретили те же пни и корни в узкой, петлявшей по тайге просеке.

Вернувшись в Дуэ к концу рабочего дня, Ландсберг, внутренне противясь, все же завернул в свою контору и попробовал расспросить Чепланова о наличии на складах строительного управления песка и щебня, однако просто был поднят на смех.

– Ты что, издеваешься надо мной?! – взъярился под конец настойчивых расспросов Чепланов. – Какой щебень? Какие-такие водоотводные канавы?! Ты что же, сударик, ежели начальству ко двору пришелся, так полагаешь, что и над приличными людьми имеешь право зубы свои каторжанские скалить?!

Поняв, что в конторе единомышленников ему не найти, Ландсберг со всем почтением поспешил откланяться, осведомившись под конец у начальника канцелярии о «движении» подписанных князем бумаг.

Против его ожидания, оборот документов на Сахалине, в отличие от прочего, оказался на высоте. Бумага о перечислении ссыльнокаторжного Карпова для чертежных работ в канцелярию, как его уверили, уже у начальника тюрьмы. И ежели господину инженеру угодно, то он волен поселить означенного Карпова где ему заблагорассудится. Хоть и на своей квартире.

Михайла, уже наслышанный о переменах в своей судьбе, поджидал «кумпаньона» на крыльце карантинного отделения со своим тощим мешком. Хотя приятели не виделись всего-то неделю, встреча вышла искренне-теплой.

– Ну, говорил я тебе на «Нижнем Новгороде», Христофорыч, что в таких людях, как ты, Сакалин очень нуждается? А? Гляди: не успел приехать, а уже в начальствах пребываешь. И меня, молодец, не забыл, – похвалил Михайла. И, оглянувшись, поинтересовался. – Что в чер-

тежники меня определил, Христофорых, то добре! Только надо было прежде меня спросить: способен я к этому делу или нет? Черкать карандашом по бумаге я умею, конечно, но тебе ж не это мыслю я, требуется?

– Разберемся, Михайла! – махнул рукой Карл. – Дело сие нехитрое. Садись в экипаж, поехали ко мне на квартиру. А то Фролов, боюсь, заждался уже нас с тобой.

Но тут Карпов проявил упорство. На квартиру идти он не отказывался, но садиться в бричку рядом с начальством, хоть и каторжным, но с таким же «бубновым тузом» на спине, категорически не захотел.

– Не по чину мне пока, Христофорыч, ты уж не обижайся! Тебя в тележку энту сам князь посадил, потому как ты человек все ж подневольный, хоть и инженер. А мне рядом с тобой никак нельзя! Не поймет каторга! Так что давай так: ты поезжай потихоньку, а я «присяжкой» рядом воспоследую. Только прикажи кучеру не гнать во весь опор, как местное начальство разъезжает, а то не поспею. Ноги-то у меня не те, что раньше...

Спорить с Михайлой Ландсберг не стал, вполне доверяя опыту и чутью каторжанина со стажем. Раз говорит, что нельзя – значит, и вправду нельзя. Велел кучеру пустить лошадь небыстрым шагом, а сам, не утерпев, выскочил из брички и пошел рядом с Карповым, не забывая зорко поглядывать по сторонам. Не приведи, Господи, начальство по дороге попадетса – за двадцать шагов шапку снимать положено.

Фролов и вправду еле дождался своего квартиранта. Сложив купленные припасы у печки, он сам сидел на крыльце, держа на коленях древнее разбитое ружьецо, ствол которого был «для верности» подвязан к цевью веревочкой. При виде квартиранта Фролов соскочил с места, только что «на караул» не отдал.

– Наконец-то, ваш-бродь, возвернулись! Я наказ ваш выполнил, все купил, что велено было. И у земляка, вишь, ружье одолжил, – потому как варнаки к избенке нашей уже присматриваются, – Фролов покосился на Карпова, оглядывавшего избу в поисках икон и не зная, на какой угол креститься. – А это и будет второй наш квартирант? Сумневаюсь я, что оборону нам укрепит он... Ну да ладно, доброго здоровьичка и вам, господин хороший! Тоже анжине-ром будете?

Поужинали, поговорили о том о сем. Михайла заверил: хозяину сего дома бродяжек и воришек опасаться более нечего. Каторга наверняка уже все знает, «статус» бродяги тут чтут.

* * *

С утра пораньше Ландсберг с Михайлой отправились на службу. Вопреки сомнениям Карла, его «кумпаньон» зашел в контору без признаков робости, как свой. Убедившись, что никто Михайлу обижать не собирается, Карл пошел с докладом по начальству.

Настроение у князя сегодня было с утра отличное: свояченицу удалось-таки «изжить» из дому и отвезти на разводящий пары «Нижний Новгород». Однако, увидев, что Ландсберг пришел один, его сиятельство нахмурился:

– А где же эти пентюхи? Коллеги ваши, так сказать? Я ж вчера велел всем вместе явиться! – набрав побольше воздуха, Шаховской рявкнул: – Иван Сергеич! Аспид ты мой шепелявый! А ну-ка, духом сюда!

«Аспид» испуганно засунулся в кабинет и получил категоричное указание немедленно собрать всех «бездельников». Немного погодя, с извинениями, начала собираться строительно-архитектурная «головка» Дуйского поста.

– Извинений просим, ваше сиятельство! Не поняли – думали, вы только с новым инженером совет держать будете...

– Заходите, заходите, соколики! – обещающе приглашал князь, выстукивая пальцами по столешнице какой-то марш. – Совет все вместе держать станем, и ответ кое-кто держать будет!

Не дождавшись, пока присядет последний приглашенный, Шаховской повернулся всем корпусом к Ландсбергу:

– Ну-с, господин главный инженер, начинайте! Кстати, не вижу списка первоочередных работ, Ландсберг!

Тот пожал плечами:

– Список сей настолько короток, что нет смысла его записывать: дороги и пристань, ваше сиятельство!

– Ну, с пристанью понятно, – буркнул Шаховской. – На соплях держится, каждый шторм ее разносит. Да и то сказать: своим умом делали, специалистов-мостовиков тут нет. А чем вам дороги не понравились, Ландсберг?

Карл внимательно поглядел на князя: не шутит ли? Да нет, вроде серьезно недоумевает. Сдержавшись от резкого ответа, он ответил:

– Вчера, ваше сиятельство, я попытался добраться до Воеводской пади, причем, по рекомендации кучера, сменил коляску на ломовую телегу. Увы: даже это крепкая повозка не выдержала единоборства с так называемой «дорогой» уже на второй версте. Кучер уверяет, что и дорога на Тымовское немногим лучше – разве что пеньки пониже срезаны и грунтом засыпаны. А грунт – глина сплошная, только по сухому времени и можно кое-как проехать. А после дождя, коих на Сахалине выпадает с избытком, проезда нет!

– Так это тебе не Петербург, любезный! – хмыкнули из угла. – Известное дело – Сахалин! Тут другой земли нетути...

– И Петербург некогда на болотах построен был, господа! – не сдержался Ландсберг. – Само устройство здешних дорог, прошу прощения на грубом слове, бездарное! Извините, господа, но можно подумать, что вы никогда с острова не выезжали и мало-мальских приличных дорог не видали! Здесь не дороги – просеки в лесу!

Собравшиеся обиженно зашумели, и князь пристукнул обеими ладонями по столу, прищурился на Ландсберга.

– А ну, тихо, вы! Та-ак, Ландсберг, стало быть, дороги наши вам не нравятся? И каким же образом вы полагаете возможным их исправить?

– Просеки расширить, пни повыкорчевать. Ямы от пней засыпать, а поверх положить «подушку» из щебня, с уклоном в обе стороны. С обеих сторон выкопать водоотводные каналы глубиной не менее аршина – только тогда дороги станут проезжими во всякое время!

– В теории все правильно, – кивнул Шаховской. – И народу на каторге хватит, чтобы пнями заняться: основные работы по лесозаготовкам у нас ведутся только зимой. Так что нынче даже уроков на всю каторгу не хватает. Только и пней в просеках, полагаю, побольше, чем каторжного контингента. Сколько лет потребуется, чтобы все расчистить, Ландсберг?

– Смотря как корчевать. Если вручную подкапывать – работа для несколько тысяч рабочих, на много лет. Если химический способ использовать, с применением селитры, то это работа для трех-пяти десятков рабочих, вооруженных бурами. Скорость начинки пней селитрой – верста в сутки. Правда, потом пять-шесть месяцев ждать надо, пока селитра в глубь корневой системы проникнет.

– Ну проникнет – а что потом? – в наступившей тишине поинтересовался князь.

– Потом пни поджигают, и они сторают, как рождественские свечки, ваше сиятельство. До последнего корешка...

– Слыхали, пентюхи? – развеселился Шаховской. – А вы, небось, и не слыхали о такой методике?

– Но есть еще более быстрый способ корчевки, – не унимался Ландсберг. – Те же ватаги рабочих бурят в каждом пне две-три дыры поглубже, начинают их динамитом, заделывают верхушку вязким варом и подрывают. Динамита на Сахалине, я слыхал, в избытке запасено для добычи угля, искать не надобно. Скорость такой расчистки – верста в сутки.

В кабинете князя поднялся шум. Люди повскакивали с мест, говорили и кричали все враз – пока Шаховской не рявкнул чисто по-медвежьи:

– А ну, цыц! – Он обвел собрание налитыми кровью глазами и остановил взор на Ландсберге. – Сами придумали, господин инженер?

– Боже упаси, ваше сиятельство, – улыбнулся Карл. – Сей способ в ходу еще во время моей учебы в полку вольноопределяющихся был!

– Та-ак... А вы, господа строители, о сем и не знали?! Ну, конечно откуда! Папеньки вас в университеты поустраивали не для постижения наук, а для пьянства и разгильдяйства! Правильно мне говорили: добрый инженер на Сахалин не попадет! Он в России надобен! А сюда одни бездари едут, пользуются тем, что специалиста сюда никаким жалованьем не заманишь... Ну, погодите у меня, дрянь этакая!

Не обращая внимания на притихших чиновников, князь достал из шкапа пузатый графин, налил полстакана темной жидкости и залпом выпил, отдышался – от чего по кабинету сразу понесло хорошим коньяком. Ноздри у присутствующих, как мимоходом отметил Карл, сразу расширились, а кадыки едва не враз прыгнули вверх и вниз.

– Все это хорошо, – неожиданно миролюбиво продолжил князь. – Светлая голова у тебя, мил-человек, сразу видать. Может, заодно и подскажешь, где потребную для твоих дорожных «подушек» уйму щебенки взять? Морем из России, через два океана возить?

– Помилуйте, ваше сиятельство! – едва не опешил Ландсберг. – Нешто своего камня на Сахалине нет? Я, извините, пока с борта «Нижнего Новгорода» берегами любовался, отметил выходы на поверхность значительных каменных массивов. Камнедробилка нужна, только и всего...

– Камнедробилка! – рявкнул князь. – А знаешь ли ты, господин инженер, что Главное тюремное ведомство, чьему управлению доверен наш благословенный остров, финансирует только строительство новых тюрем да острогов? Одна переписка по вопросу приобретения сего механизма год, если не два займет! Да и то без гарантии благоприятного решения... А доставка дробилки из Европейской России еще год!

– Япония гораздо ближе, – не отступал Ландсберг. – Там можно купить.

– На что? На что покупать-то? Ты меня не слышишь, что ли? Сметой не предусмотрено!

– У японцев на юге Сахалина, я слышал, под сотню рыбных промыслов. Предложить им на время с десятков новых – вот вам и дробилка! Не пароход, чай, механизм-то простенький!

– Это с губернатором нашим решать надо! – полез в затылок Шаховской. – А с его высокопревосходительством иной раз труднее договориться, нежели с Петербургом... Ладно, попробую... Показать бы его высокопревосходительству хоть кусок порядочной дороги с твоей «подушкой» – глядишь, легче говорить было бы.

– И это решаемо, – пожал плечами Ландсберг. – Рабочих рук на острове предостаточно, на первое время можно послать ватаги по берегу камни нужного размера пособирать и корзинами наносить. Крупняк покамест можно молотами, вручную дробить. А я бы пока, с позволения вашего сиятельства, начал бы пни корчевать динамитом, да полотно дороги готовить. Глядишь, недели через две и показали бы его высокопревосходительству образцово-показательный участок правильной дороги. С полверсты, для начала.

– Дела, дело говорит ведь человек! – Шаховской забежал по кабинету. – А с пристанью что?

– Судя по колебаниям помоста, доски настелены на каменную гряду, отсыпанную вручную? – Ландсберг повернулся к своему предшественнику на инженерной должности Чепланову.

Тот молча кивнул.

– С пристанью вопрос сложнее, ваше сиятельство! – нахмурился Ландсберг. – Тут насыпью не обойтись. Если позволите небольшую, так сказать, просветительскую лекцию, то без

ряжей и свай тут не обойтись. Ряж – это вертикальная или наклонная клетка, изготовленная из брусьев или бревен. Она имеет прямоугольную или квадратную форму и заполняется грунтом или камнем. В пристанских сооружениях, где сильно влияние приливов и отливов – о штормах и разговора нет – ряжи ставят обычно на свайное основание. Их водонепроницаемость обеспечивается плотной рубкой лицевых стен и шпунтовыми линиями в основании. Нижний конец сваи заостряют, и на него надевают стальной наконечник-башмак, предохраняющий заостренный конец сваи от разрушения во время его погружения в грунт. На верхний конец сваи надевают стальное кольцо – бугель, предохраняющий древесину от раскалывания во время ударов молота.

– И кто ж молотить по твоей свае станет? Илья Муромец? – захохотал Чепланов.

– Зачем Муромец, ежели люди давно придумали паровую «бабу» системы Лакура либо системы инженера Арциша? – невозмутимо парировал Ландсберг. – Этот механизм представляют собою тяжелый полый цилиндр, который ходит по штоку, снабженному на одном конце поршнем, а на другом – керном. Пар гибким трубопроводом подводится от отдельно стоящего котла к парораспределительному механизму, расположенному в голове «бабы». Для производства попеременного впуска-выпуска пара на головке «бабы» установлено качающееся коромысло, приводящее в действие клапаны. Пар, входя в верхнюю часть цилиндра, давит как на поршень, так и на головку цилиндра, благодаря чему цилиндр начинает скользить по штоку вверх. Это движение продолжается до тех пор, пока рабочий не откроет выпускной клапан. При этом пар выйдет из верхней части, и «баба», скользнув по штоку вниз, ударит о голову сваи...

В наступившей тишине первым опомнился Шаховской:

– А «бабу» твою тоже прикажешь у япошек покупать? – с долей ехидства поинтересовался он.

– И вовсе не обязательно, – покачал головой Ландсберг. – Таковой механизм, насколько я знаю, имеется в Де-Кастри, по ту сторону пролива. Нешто соседи нас не выручат?

* * *

Несмотря на внутреннее сопротивление и ехидные реплики вольных инженеров, его сиятельство весьма быстро понял, что предложения чудом попавшего к нему инженера с саперным образованием дельные. И что практический эффект будут иметь больший, нежели с барабанным боем и литаврами построенный тоннель.

Свернув совещание, в конце которого он строго-настрого предупредил вольных чиновников об уважительном отношении к каторжному инженеру и необходимости без оговорок выполнять все его распоряжения, князь взялся за бумаги. Помимо пояснительной записки и прошения на имя губернатора, надо было сочинить не менее десятка прочих распоряжений, требований, прошений.

Ландсберг, не желая оставаться один на один с чиновниками, которых он только что «уел» своими практическими знаниями, поспешил ретироваться из конторы. Благо предлог был: укрепление сводов тоннеля требовало постоянного присмотра.

С Михайлой, оставшимся в конторе, Ландсберг встретился только вечером. Карпов явился сумрачным, долго и без особой нужды обивал от грязи обувь на крыльце. И лишь за чаем рассказал о причинах своего плохого настроения.

– Слишком яро, Христофорыч, ты за строительные дела взялся. Инженеры и мастера целый день твоим «прожекам» косточки перемывали. У писарей ушки на макушке – они же все из каторжных. Так что ноне, мысля я, станут докладывать о твоих задумках каторге. Первым делом – о корчёвке пней! Да ишшо и от себя прибавляют страстей. Так что озлится на тебя каторга с первого дня.

– Чего ж злиться? Чай, понимают, что не к теще на блины сюда приехали, – упрямо покачал головой Карл. – Наделали делов – исправляй грех свой кайлом!

– Так-то оно так, кумпаньон. О конторе сейчас речи нет – ихнее злобствование ожидать стоило. А вот арестанты... Одно дело, когда их на тяжкие работы начальство ставит. И совсем иное – когда свой брат, каторжник, «горбатиться» заставляет.

Не пошло и недели, как сотни каторжников, следуя задумке Ландсберга, покинули тюремные остроги и были поставлены на работы по сооружению «образцово-показательного» участка дороги в Воеводскую падь. На корчевку и засыпку ям были поставлены и не имеющие постоянной работы ссыльпоселенцы. Разумеется, от арестантов и не пытались скрыть, кто именно нашел им тяжкую, несмотря на всю механизацию, работу. Это не прибавило Ландсбергу популярности в каторжной массе. Как и предсказывал Михайла, его проклинала вся каторга. И Шаховской счел необходимой предосторожностью приставить к Ландсбергу вооруженную охрану.

На четвертый день начала расчистки просек вернувшийся из конторы на квартиру Михайла долго кряхтел, шмыгал носом, и, наконец, объявил:

– Ты тока не подумай ничего такого, Христофорыч, а только я от тебя съеду.

– Каторга требует? – понимающе улыбнулся Карл, хотя ему было вовсе не до смеха.

– Требуется не требуется, а только я полезней для тебя буду, ежели в тюрьму переселюсь. Не ндравится кой-кому наше «кумпаньонство». Горлопаны да глоты впрямую людишкам говорят, что вдвоем мы тут перед начальством на задних лапках ходим, чужим горбом лишнюю пайку зарабатываем.

– Значит, бросаешь меня?

– Да не за себя боюсь я, Христофорыч! Мне-то каторга ничего не сделает, потому как бродяга я. Неприкасаемый для обид... Вторая ходка, как-никак! Но против тебя людишки очень злые! Козни, мысля, строят против тебя. Ну а ежели я рядом с ними буду, то упряжу тебя, ежели что серьезное удумают. Понял, кумпаньон?

– Понял, Михайла. Только как тебе самому на шконку переселяться после того, как неделю со мной под одной крышей жил? Не опасно ли? Не примут за шпиона?

– Бродягу-то? Христос с тобой, Христофорыч! Да и не в тюрьму я на жительство переселюсь, а на фатеру: жалованье, чай, платит начальство?

– Не платит, а записывает заработок каждого в особую тетрадку, на его лицевой счет. Для меня исключение князюшка обещал сделать, а вот насчет тебя не знаю... Хотя о чем это я? – спохватился Карл. – Если его сиятельство воспротивится выдаче тебе жалованья на руки, я всегда подкинуть смогу, Михайла! Мне ведь и деньги тратить-то, кроме столования, некуда. И не спорь, компаньон. Какие же мы с тобой друзья-приятели, коли помогать друг другу не станем. А разрешение жить на вольной квартире я тебе легко выхлопочу: ты чертежник, на дом работу брать должен. А в казарме у тебя мигом украдут и карандаши, и бумагу.

На том и порешили. Ландсберг провожал «кумпаньона» со смешанным чувством тоски и облегчения. Он опять оставался один на один с каторгой и тюремным начальством. Облегчение же наступило оттого, что теперь можно было не беспокоиться на счет судьбы Михайлы: Карл в последние дни всерьез опасался, что озлобленные его кипучей деятельностью арестанты однажды накинута на «высочку». В таком разе мог пострадать и Михайла, предложивший «кумпаньонство» еще во время плавания на «Нижнем Новгороде».

Ретроспектива-2

Имя Пазульского с почтением и страхом повторяли во всех централах Российской империи. Этот человек стал легендой преступного мира еще при жизни.

Его много раз судили, но ни в одном следственном либо судебном документе не было достоверных сведений о его сословном происхождении, месте рождения, его родителей и родственников. Невероятно, но казалось, что этот человек взялся ниоткуда – сразу двадцатилетним и «в огромном авторитете» главарем дерзкой шайки, совершавшей серии налетов на богатые поместья и дома Малороссии. Никому и ничего Пазульский не рассказывал о своем детстве и отрочестве, однако многое в его поведении, манерах речи и привычках говорило о том, что он родился и воспитывался отнюдь не в крытой соломой бедной хате. Таинственность рождала легенды о его дворянском, а то и великокняжеском происхождении. Так это или нет – не знал никто. Порой в тюрьмах проскакивали слухи о неразумных арестантах, которые осмелились задать Пазульскому прямые вопросы о его происхождении. Результаты были разными. Иной раз Пазульский, будучи в хорошем настроении, просто отшучивался. Чаще всего отечественный «монтекристо» отмалчивался. Особо назойливые любопытные порой скоропостижно умирали... Однако всей правды не знал никто.

Громкая уголовная слава пришла к Пазульскому во время его второй отсидки в Херсонском центральном. Короли преступного мира, иваны, в то время еще не считали его равным себе и держали, несмотря на все его подвиги во главе шайки, от себя на расстоянии. Да и Пазульский, казалось, вовсе не стремился занять высшую воровскую ступень – он жил так, как считал правильным сам.

Старшим надзирателем в Херсонском центральном служил тогда некто Назаров – личность также в уголовных кругах довольно известная. Недюжинная физическая сила Назарова всегда была дополнена револьвером и тяжелым кастетом, которые он пускал в ход не задумываясь. И пользовался охраной закона: только за попытку напасть на представителя тюремной власти в те годы полагался суд специального трибунала и петля. К тому же Назаров всегда был настороже, а рядом с ним постоянно находились верные и бдительные помощники.

Назаров был очень тщеславным человеком, обожал демонстрировать силу и свое превосходство, никогда ничего не забывал даже через много лет, в отличие от многих своих сослуживцев относился к иванам так же, как и к мелкой уголовной сошке. Порой доходило до немыслимого: при всяком удобном случае он норовил нарочно унижить главарей уголовного мира и тех, кого тюрьма уважала. Иваны терпели, матерились и разводили руками: ну что тут поделаешь? Сила, она и солому ломит. И петля верная тому, кто попытается отучить Назарова...

Однажды судьба свела Назарова и Пазульского в прогулочном дворе централа: старшему надзирателю показалось, что молодой, но весьма авторитетный в тюрьме бандит недостаточно быстро снял при встрече с ним шапку. Не тратя лишних слов, Назаров жестом подозвал караульных и кивнул на наглеца: поучите-ка...

Пазульского сбили с ног и «учили» ружейными прикладами до тех пор, пока тот не потерял сознание. Потом солдат принес ведро воды и окатил Пазульского. Тот открыл глаза, увидел усмехающееся лицо старшего надзирателя, кое-как поднялся, выплюнул несколько выбитых зубов. Спросил – достаточно вежливо, видимо, искренне не понимая причины наказания:

– За что меня этак-то, ваш-бродь?

– А просто так! – хохотнул Назаров. – Настроение у меня нынче такое. Веселое! Да и шапку ты, ублюдок, в следующий раз проворней сымай – для верности, как говорится!

– Во-первых, я не ублюдок, ваш-бродь. Папенька с маменькой в законном браке меня родили. И шапку я снял по уставу – за десять шагов, коли не больше.

– А хотя бы и так! – еще больше развеселился Назаров. – Мне-то что? Не забывай, щенок, кто тут хозяин – и весь разговор. Ну, пшел отсель, а то еще велю добавить!

Пазульский оглянулся: на них смотрел весь тюремный двор.

– Что ж, ваш-бродь, урок я твой запомню, – Пазульский выплюнул под ноги Назарову еще один зуб. – Только и ты запомни, ваш-бродь, что убить мне тебя придется.

– Ой, испугал, сопляк! – насмеялся Назаров. – И как же ты меня убьешь?

– Горло перережу. Вот так! – и Пазульский провел по своему горлу пальцем от уха до уха.
– Сие есть публичная угроза смертью чину тюремной администрации, – кивнул Назаров. – И подлежит рассмотрению суду специального трибунала. Ну, а пока дам-ка я тебе сейчас, морда, месяц карцера. И каждый день тебя там навещать стану. Чтоб не скучал, значит. В «холодную» его!

Еще месяц после «холодной» Пазульский отлеживался на нарах, скрипел зубами от боли и молчал. А когда начал потихоньку вставать, к нему подошел один из авторитетных иванов, напомнил про воровской «кодекс»:

– Ты, паря, молод ишшо, но знать должен. Иваны тя к себе приблизили, а ты языком размахался. Ну, перед Назаровым тогда! Да ты помнишь ли? – Громила всмотрелся в опухшее лицо Пазульского. – Может, ты не в себе был опосля прикладов-то? Тогда ничо, ничо, паря! Тогда люди поймут, и словом нечаянным тя попрекать не станут. Наверное...

– Ты про что, уважаемый? – ровно поинтересовался Пазульский. – Никак про то, что я Назарова убить пообещал? Все помню, уважаемый. И слово мое крепкое. Сказал – сделаю!

– Тебе жить! – пожав плечами, сплюнул громила. – Тока и про законы нашенские не забывай. Не сделаешь, как сказано – тебя иваны на сходняке самого на ножи могут поставить. Чтоб люди, стало быть, знали цену слова варнацкого... Дурак ты, паря! Зачем тебе все это? Тут петля, там нож... сказал бы – не помню, мол – и дело в шляпе.

Пазульский промолчал. А на следующий день Херсонский централ был изумлен его дерзким, почти невозможным побегом. Удаль и фарт Пазульского иваны одобряли, а относительно его будущего сомневались: и так, и так не жилец, Пазульский-то... Поймают ведь все равно, рано или поздно. А тюрьма ничего не забывает.

Гулял на свободе Пазульский, действительно, недолго. И через пару месяцев снова был пойман, судим и отправлен обратно в Херсонский централ. Уже потом ушлые уголовники догадались, что Пазульский дал себя поймать. И на судебном следствии, и во время самого процесса даже взял на себя «лишку» в обмен на негласное соглашение: суд должен был послать его отбывать наказание именно в Херсон...

Причина была вот какая: до Пазульского дошли слухи, что старший надзиратель Херсонского централа Назаров собирается в отставку. Здоровье у него было по-прежнему отменным, но случай поставил крест на его карьере: распарившись как-то в баньке, Назаров выдул целый жбан ледяного пива и в результате напрочь потерял голос. Начальство потерпело безголосого надзирателя сколько возможно, потом развело руками – должность зычного голоса требует, а не шипения.

Со дня на день Назаров должен был уйти в отставку, Пазульский, прослышав про это, поспешил за решетку.

Потом его не раз спрашивали: зачем, мол, в тюрьму-то торопился? Назарова на воле сподручнее было даже зарезать. К тому же за убийство партикулярного лица смертной казни не полагалось... Но Пазульский решил выдержать форс, сдержать свое слово там, где его давал – в Херсонском центре... А петля его, по всей видимости, не пугала.

Но это было потом. А пока весь централ, затаив дыхание, ждал развития событий – либо обещанной расправы лихого Пазульского с Назаровым, либо сходняка с ножами за несдержанное слово молодого атамана. И ждал, надо сказать, недолго: несмотря на постоянные обыски, Пазульский нашел-таки возможность сохранить «заточку» и подобраться к Назарову.

Все случилось как по заказу. Расстроенный скорым концом своей карьеры, Назаров в последние дни службы бдительность подрастерял. Да и к стакану стал прикладываться, объясняя товарищам, что на службе не пьет, а только горячим грогом лечится. Пытается голос прежний, стало быть, вернуть. Товарищи с начальством уж и рукой на бедолагу махнули: пусть его!

В такую-то минуту глубокой задумчивости брел как-то Назаров по тюремному двору в надзирательскую, едва поглядывая по сторонам, и очнулся от невеселых дум только при виде

фигуры арестанта, сломавшегося в поклоне чуть не пополам. Была в том поясном поклоне столь явная насмешка, и Назаров остановился, присмотрелся к фигуре. Прошипел:

– А ну, разогнись, морду покажи, сволочь! Кто таков будешь? Чего тут цирк устраиваешь, негодяй?!

Фигура послушно разогнулась, и Назаров немедленно узнал в ней Пазульского.

– А-а, вернулся, брат Пазульский! Как ни бегал, а все одно вернулся, ублюдок польский!

– Дозвольте доложить, ваш-бродь, вернулся! – весело отрапортовал Пазульский. – Все опасался опоздать, так уж спешил, так спешил, ваш-бродь!

– Опоздать боялся? Куда опоздать-то? – Назаров закашлялся, схватился за горло.

– На казнь твою опоздать, ваш-бродь, мною обещанную! – снова сломался в шутовском поклоне арестант. И тут же ерничать перестал, глянул вверх исподлобья, коснулся длинными пальцами разношенной обуви – и стремительно разогнулся, уже с острой как бритва заточкой в руке. Рванулся вперед, мимо опешившего конвоя, длинно взмахнул рукой – и рассек надзирательское горло, как и обещал, от уха до уха.

Тело Назарова еще нелепо махало руками и загребало ногами, когда опомнившийся конвой схватил бунтовщика, кинул на землю, прижал руки сапогами. А Пазульский весело, скороговоркой, предостерегал:

– Только глядите, братцы-солдатики, прикладами не машите! А то ведь и вас такая же смерть лютая дожидаться станет... Тащите меня в карцер!

От неминуемой тогда петли Пазульского спасло вскоре случившееся рождение в монаршей семье великого князя: по этому случаю был издан царский манифест, дарующий прощение всем убийцам. Прощение, правда, было сомнительного свойства: смертная казнь Пазульскому была заменена на бессрочную каторгу без права помилования.

И пошла гулять с тех пор по тюрьмам и острогам, по ближним и самым далеким каторгам Российской империи слава Пазульского. Периодически он в одиночку или с сообщниками совершал дерзкие побеги – порой из тех тюрем, откуда до него никто и никогда не бежал. Особенностью этих побегов было то, что к намеченной цели Пазульский шел напролом, без колебаний убивая тех, кто стоял на его пути или мешал ему – тюремщиков, солдат караульных команд, своих же товарищей, заподозренных в измене или трусости.

Рано или поздно Пазульского ловили, снова судили и сажали, выбирая для него каторги и тюрьмы все более далекие от центра России. В неволе его встречали поистине с королевскими почестями. Матерые иваны дрались за честь услужить Пазульскому, на лету ловили каждое его слово или пожелание. Тюремщики уже не осмеливались не то что окрикнуть или ударить короля преступного мира – даже сделать ему замечание за грубое нарушение считалось смертельно опасным. «Пазульский идет по крови как посуху!» – крестились поседевшие на службе тюремщики.

Шли годы, «гарный хлопец» Пазульский старел. У него рано пробилась плешь, и к пятидесяти годам длинные седые пряди остались только над ушами и на затылке. К этому времени он попал на Сахалинскую каторгу. И тут объявил: «Баста! Больше бегать не стану, устал. Поживу на покое...»

Почти все время «патриарх» проводил в своем «нумере», и лишь по хорошей погоде да под настроение выходил на прогулку. В длинной чистой рубахе почти до колен, плисовых шароварах и неизменных обрешанных валенках-катанках, с распущенными по плечам волосами бело-желтого цвета, с посохом в руках, он необыкновенно походил на благонравного старца из монастыря. С рук кормил крошками воробьев и синичек, добродушно посмеивался, когда птицы устраивали на его ладонях шумную перебранку.

Вечерами к Пазульскому порой шли иваны – советовались перед крупным «делом», докладывали о новостях, спрашивали дозволения наказать нарушивших варнацкие уставы. Во всех подробностях ему было доложено и о Барине и его прегрешениях. Четверых убил и

покалечил «уважаемых людей» бывший «офицерик из благородных» в Литовском тюремном замке, да столько же в Псковском Централe. Держит себя «офицерик» обособленно, о варнацких уставах отзывается пренебрежительно. Силы, правда, тот Барин просто необыкновенной, даже и не подумать вроде. Правда, в каторге сила одиночки – тьфу! Мешок на голову, да всем обчеством и порешить за загубленные души... Что скажешь, почтеннейший?

– Пусть Барин покуда поживет, ребяташки, – вынес свой приговор Пазульский. – А мы поглядим, что он за птица такая.

– А «спытание каторжанское» ему назначить? – не отступали иваны.

– Всему свое время, ребяташки. Каждому свое. Я сам вам скажу опосля, как пригляжусь к Барину, – подтвердил «приговор» Пазульский и поднял на иванов выцветшие глаза с таким выражением, что те невольно отступили на шаг.

И самовольничать с Баринoм, если кто и думал, зарекся.

Пазульский жил на покое, но вожжи пока держал в руках крепко. О будущем, видно, думал...

Глава третья. Ультиматум

Потянулись сумрачные, как сахалинское небо над головой, каторжные будни. Чтобы не мучили тяжкие мысли и воспоминания, Ландсберг старался работать как можно больше. Он перевернул всю скудную тюремную библиотеку, выкупил у декастринского спившегося инженера чудом сохранившиеся у того старые технические журналы и сидел над расчетами, бывало, целыми ночами. А по утрам, ополоснувшись холодной водой, спешил в контору, где временно сменял арестантский халат на справленную по приказу Шаховского полугражданскую-полувоенную униформу и устраивал для десятников и надзирателей утреннюю раскомандировку.

Уразумев, что новое начальство – его «каторжанское полублагородие» – терпеть не может утреннего перегара, привыкшие к водочному «завтраку» надзиратели оставляли полуштофы и «мерзавчики» с казенным спиртом где-нибудь в сених, и едва дожидались конца распределения поручений на день, чтобы гурьбой вылететь из конторы и торопливо залить в глотку утреннее «возлияние». И уж потом шагать к ожидающим ватагам каторжников, чтобы дать урок-задание на день. Многие из порученного Ландсбергом его помощники и чиновники искренне считали ненужными благоглупостями и добрых полдня отводили душу в ругани в адрес «анженера» и его благодетеля, князя Шаховского. Тот же, отправив в Санкт-Петербург цветистый рапорт об окончании строительства тоннеля, ко всем прочим делам и заботам по благоустройству Сахалина явно остыл, перепоручил все Ландсбергу и со дня на день ждал долгожданного высочайшего одобрения своим тоннельным инициативам и рвению.

Возненавидела Ландсберга не только вечно полупьяная тюремная администрация. Два с лишним месяца каторга, матерясь, терпела «выдумки выскочки-анженера». Но в конце концов терпение кончилось, и иваны, заручившись молчаливым одобрением Пазульского, мстительно приговорить поставить перед Ландсбергом страшную дилемму: от него потребовали принять участие в заговоре с целью убийства ненавистного надзирателя. За отказ каторга традиционно сулила «поставить на ножи». А третьего просто не было!

Приближение «каторжанского испытания» прошедший две войны Ландсберг ощущал буквально кожей. И этот день настал. Как-то вечерней порой в избу поселенца Фролова, где квартировал Ландсберг, постучались. Перепуганный хозяин поначалу не хотел открывать: в темную пору добрые люди на Сахалине в гости не ходили. Но в конце концов пришлось отпираться: ночные посетителя могли и сжечь домишко вместе с упрямым хозяином. Бывали, бывали такие случаи на Сахалине...

Вечерним гостем оказался тот самый Кукиш, что помогал Ландсбергу с геодезической съемкой местности при тоннельных работах. Потом он упросил Ландсберга оставить его при себе – посыльным не посыльным, курьером не курьером. Покрутившись рядом с инженером пару-тройку недель, Кукиш куда-то исчез. И вот, поди-ка, снова объявился!

Сегодня, правда, его было трудно узнать – одет Кукиш был в немыслимую рванину, и более походил на какого-то опереточного мусорщика, нежели на работягу-аккуратиста, коим предстал тогда перед Ландсбергом.

– Доброго здоровьица, Барин! – Кукиш поглядел на свои босые ноги, едва не до колен покрытые густой грязью, и, чтобы не следить в кухне, сел прямо под порог избы, свернув ноги по-татарски.

– Здравствуй, Антон! Что, снова пришел работу искать? – поинтересовался Ландсберг.

– Работа не волк, в лес не убежит, – отмахнулся Кукиш. – По делу я к тебе, Барин. Шлют тебе серьезные люди сердечный привет и просят нынче пожаловать для разговора в кандальную, в номер третий.

Ландсберг прислонился к стене, скрестил на груди руки.

– Что за люди? Имена-то есть у твоих «сурьезных» людей? И что за номер третий – я, извини, не в курсе...

– Номер третий – это в кандалной тюрьме, Барин. Камера, одним словом. Ну, а насчет просчет сурьезных людей – не сомневайся! Лёха Кучерявый, Иван Пройди-Свет, Капитон Московский, Баранов... Все иваны известные, авторитету немало. Слыхал, поди?

– Про кого слыхал, про кого услышу еще, наверное, – уклончиво кивнул Ландсберг. – Ты меня только вразуми, Антоха, как мне в кандалную тюрьму-то попасть? Я ведь человек в каторге новый, многого просто не знаю. Прощение, что ли, написать, чтобы тюремное начальство пустило? Или преступление совершить, чтобы я наверняка туда определился?

– Не, насовсем не надо! – юмора Кукиш не понял, замотал головой. – А пройтись к нам – это только ленивый не пройдет! Хоть в тюрьму, хоть оттедова... Туда, случается, солдатик остановит – чтобы поселенцы, стало быть, вольные не ходили тюрьму обжираться. Пятачком, много гривенником поклонись – и проходи на здоровьишко!

– Шучу я, Антоха, знаю про порядки здешние, – вздохнул Ландсберг. – И приглашение лестное, такими не бросаются. Только вот что, друг мой парламентар, невместно мне в тюрьму идти при моем нынешнем положении. Сам знаешь, начальство меня на должность определило, должность серьезная, среди «вольняшек» день-деньской кручусь. А как прознает начальство, что я в тюрьму визиты делаю – так и погонит из канцелярии. Не за себя так обидно будет, как за каторгу – я ведь на инженерном месте каторге много чем помочь при случае могу. Так и передай: от приглашения, мол, Барин не отказывается, а просит только назначить другое место. Передашь?

– Передам! – вскочил на ноги Кукиш. – Только, боюсь, не пондравится людям твой ответ. Мне-то что? А ты гляди, Барин!

Кукиш, к великому облегчению Фролова, ушел, однако вскоре вернулся:

– Говорил я тебе, Барин... Теперь идтить все одно придется: сам Пазульский тебя кличет. А от евонных приглашений не отказываются...

– Конечно, конечно, идти вашему благородию требуется! – тут всполошился и квартирный хозяин, не без основания опасавшийся, что в случае отказа квартиранта и избу спалят наверняка. – Сам Пазульский зовет, надо ж!

– И когда?

– Дык прямо счас и пошли, Барин.

В тюрьме все получилось, как и ожидалось. Солдат караульной команды сидел на лавочке, за частоколом. Входящих даже не окликнул – то ли не захотел по темному времени вставать, то ли дремал.

Кукиш завел Ландсберга в темный смрадный коридор, молча ткнул рукой в сторону «апартаментов» патриарха и куда-то исчез. Помедлив, Карл направился в указанном направлении, однако дорогу ему молча преградил здоровенный детина с плоским и болезненно-белым широким лицом. Детина что-то мычал, и не стоило много труда догадаться, что это и есть известный всей каторге телохранитель Пазульского, Гнат-«немтырь».

Не зная, что и делать в таких случаях, Карл, как мог, объяснил на пальцах, что не своей волей пришел, а по вызову Пазульского. Но детина продолжал отрицательно мотать широкой бледной башкой. Спасибо, майданщик Бабай мимо проходил, выручил.

Ландсбергу было сказано: занят нынче старец, ужинать сел, после покличет. Делать было нечего, и Ландсберг направился на переговоры в третий «номер».

«Номер» третий разительно отличался от камеры Пазульского. Еще в коридоре под ногами у Ландсберга стала жирно чавкать грязь, а едва он миновал дверной проем, как в лицо ощутимо ударила плотная душная волна вони, испарений немых тел.

В камере чадно горело десятка два плошек с салом, кое-где на шконках трепетали огоньки свечек – там, по обыкновению, шла карточная игра. Выкрики игроков-«мастаков»,

хриплый хохот, неумолчный шум десятков голосов смешались в дикую какофонию тюремной «музыки».

Появления Ландсберга никто особо не заметил, только какая-то фигура скатилась с ближайших нар, ухватила его за рукав:

– Барин, уважь полтинничком! Ей-богу, до петухов! Ты меня помнить должен – на «Нижнем» вместе сплавлялись! Дай, томно мне!

– Не при деньгах я, дядя! – буркнул Ландсберг, вглядываясь в темноту и пытаясь определить – куда идти? И надо ли идти – может, правильно ждать, пока окликнут, позовут?

Фигура продолжала ныть и клянчить, тянуть за рукав. Тут к ней и еще одна присоединилась: человек дурашливо сломался перед Ландсбергом в поклоне, громко закричал:

– Гляди, народ, кто припожаловал в нашу хату! Евойное благородие, сам Барин! Милости просим, Барин! Тока гляди, ножки не испачкай, тут у нас не контора, дерьма по колено!

Гомон в камере стал несколько потише, Ландсберг почувствовал, что на него наконец обратили внимание, начали присматриваться. Теперь рядом с ним появился еще один силуэт, приглашающе махнул рукой:

– Туда, уважаемый! Там ты народишко дожидает, Барин!

Ландсберг направился в душный сумрак и наконец очутился перед нарами, на которых в живописных позах расположились пятеро иванов – все как один в косоворотках с расшитыми воротниками, низких сапожках-«хромачах» и заправленных в них плисовых штанах. Посреди шконки, на чистой тряпице был накрыт «стол» – бутылка «казёнки», порезанное сало, кружки темной колбасы, ломти хлеба.

– Милости просим, уважаемый! – пошевелилась крайняя фигура, неопределенно махнула рукой. – Эй, морды, табурет подайте гостю!

В окружающей шконку толпе глотов произошло движение, над смутно белеющими лицами возник и поплыл к Ландсбергу самодельный табурет. Наслышанные о кознях для новичков, Ландсберг, прежде чем сесть, крепко пошатал табурет руками – у него могли быть подпилены ножки. Сядет человек, и очутится на полу, в жидкой грязи, под радостный гогот ожидающей развлечения толпы. Табурет оказался без сюрпризов, и гость сел, выжидающе глядя на иванов.

– Откушать с нами? – Перед Ландсбергом оказалась почти чистая чашечка, из которых в сахалинских тюрьмах предпочитали пить водку.

Отказываться не следовало, и Ландсберг взял в руку чашку, другой отломил кусочек хлеба.

– Ну, со знакомством, уважаемые! – Он опрокинул в рот скверную, отдающую керосином водку, пожевал сыроватый хлеб.

Иваны тоже выпили, под жадно-голодными взглядами окружающих шконку лиц разобрали кружки колбасы, куски белой булки, ломти сала. Лениво закусывали, иногда не глядя швыряли в толпу недоеденные куски, разговор начинать не спешили.

– Значится, вот ты каков будешь, Барин! – начал наконец один. – Наслышан о тебе народ, слушок сюды раньше твоего парохода прибёг. Нехорошо про тебя говорили, Барин, как на духу тебе скажу... Забижаешь, говорили, народишко. Калечишь, а то и вовсе до смерти убиваешь... Уставов тюремных признавать не желаешь, к авторитетным людям без почтения...

– Другие говорили, что правильный ты арестант, Барин! – сипло подхватил соседний переговорщик. – Баили, что ты хоть и из ихних благородий, а не чистоплюй. В тюрьму по крови пришел, по сурьезной статье. К начальству не примазываешься, ихнюю руку не держишь, товарищей не выдаешь.

– Дырку в горе здесь на Жонкьере доделывали – не забижал арестантов, калечиться не посылал, в опасные места сам первым шел. Выпей-ка ишшо с нами, Барин!

– Благодарю, не могу, уважаемые! Желудок не позволяет много пить! – Ландсберг решительно перевернул вверх дном свою чашку, взял еще кусочек хлеба.

– Гляди сам. Ты нам свое уважение уже выказал, не побрезговал.

Иваны снова выпили, закусили.

– Ну, теперя слушай наш сказ, мил-человек! – Иван по фамилии Баранов тоже перевернул свою чашку и уставился на Ландсберга тяжким взглядом. – Каторга тебя прощает покамест, Барин, – за то, что уважаемых людёв в Литовском замке, да во Псковской пересылке жизни лишил. Дело то давнее, далекое – кто знает, может, тебя не поняли, может, ты чево не знал, не разумел. Помогать каторге, канешно, придется – ты ж при начальстве. Слово там замолвить за кого, или с бумажкой какой помочь. Это – само собой. Но спытание нашенское ты пройти должон, Барин! Исполнишь каторжанский приговор – живи потом как знаешь. Не откажешь каторге, Барин?

– Не откажу, коли смогу. А что за приговор каторжанский?

– Давай о деле, – согласился Баранов. – Есть тут человечешко один, оченно для всей каторги вредный. Карагаев его фамилиё. Слышал, поди?

– Да, надзиратель Карагаев. Слышал.

– Во-во! Лют энто самый Карагаев до невозможности! Драть приказывает всё, что ноги-руки имеет. Лютует, собака! Эй, народ, ну-ка, подведите-ка сюда Никишку, пусть Барин поглядит!

Толпа, обступившая нары, зашевелилась, раздалась, и двое каторжников почти поднесли поближе повисшее на их руках полуголоое тело, поворотили спиной к Ландсбергу, подвинули поближе свечи. Спина Никишки была вздута и буквально взлохмачена розгами, сам человек висел на руках без сознания.

– Вишь, каков Никишка стал? – кивнул на несчастного Баранов. – Не жилец, точно тебе говорю. А сколько уж схоронили таких, после карагаевских-то милостей? А перепоротых сколь? Вот и приговорила, значить, Карагаева каторга. А ты помочь должон, Барин!

– Смертного греха на душу не возьму! – твердо заявил Ландсберг. – Что хочешь со мной делай – нет моего согласия!

– А тебе и не надо свои ручки марать! – усмехнулся Баранов. – Желающих поквитаться с Карагаевым и без тебя хватит! А исделать тебе надобно вот что будет...

– погоди, уважаемый! – Ландсберг протестующее поднял обе руки. – погоди, не говори более ничего! Пойдем-ка, на воздух выйдем отсюда! Не обговариваются такие дела – чтобы сотня ушей вокруг была!

– Ты что же, каторге не доверяешь? – прищурились на Ландсберга иваны. – Каторга по уставу живет, болтать никто не станет, за длинные языки на ножи у нас положено ставить!

– Устав уставом, а любой человек слабину дать может! – Ландсберг поднялся. – Здесь я слушать больше ничего не желаю, уважаемые! Хотите – на дворе подожду?

– Ну жди, – усмехнулся Баранов. – Может, кто и выйдет...

Ждать Ландсбергу пришлось недолго. Вскоре рядом с ним проявились из темноты фигуры двух иванов.

– Горд ты, все ж, чрезмерно, Барин! – длинно сплюнул на землю Иван Пройди-Свет. – Без оглядки живешь!

– Как раз с оглядкой, уважаемый! – возразил Ландсберг. – Ты говори, чего от меня требуется.

– А требуется от тебя, уважаемый, чтобы ты Карагаева в день, который мы тебе укажем, привез в Ведерниковский станок. Туды ведь столбы сейчас с проволокой ставят? И народишко арестантский на тех столбах корячится. Так вот, соберешь в тую ватагу, что столбы ставит, людишек, которых мы тебе укажем. Они все и сделают. Твое дело – Карагаева туды привезть.

– Карагаев гнида умная. Лютует, собака, а себя бережет, – ввернул второй иван. – С двумя револьвертами ходит. Твое дело – привезть его на место так, чтобы ён ничего не заподозрил.

– А с чего это ему доверяться мне? Он со мной и не говорит никогда...

– Ты суды слухай, Барин. Ты ведь на разрядках бываешь? Бываешь! Заказываешь рабочих – туды столько-то, суды... Вот и сделай так, чтобы в Ведерниковский станок дополнительную ватагу попросить. Кого – я те после скажу. Пожалуйся: мол, каторжные рабочие плохо работают, не слушают тебя. Попроси, чтоб надзирателя тебе в помощь дали, для соблюдения порядка. Понял?

– А если другого пошлют? Не Карагаева?

– Надо исделать так, чтоб он сам напросился в Ведерниковский станок! Когда на разрядке будешь на каторжных жаловаться, упомяни Трифонова и Афанасьева. Они, мол, более всех воду мутят, других сбивают с толку. Как тока Карагаев про этих двоих услышит – сам вызовется ехать с тобой!

– С чего это?

– На Трифонова да на Афанасьева у него давно зуб вырос. Того и другого не раз на «кобылу» посылал. Одного за дерзкие разговоры, другого за бабу. Бабенку одну, из прошлого-годнего сплаву, Карагаев к себя в сожительницы всё сманивал. А она взяла да и к Афанасьеву сама пошла. Он на морду красивый шибко, Афанасьев, вот бабы к ему и липнут. Верно говорю, Барин: как услышит Карагаев про энтих двух – сам вызовется ехать к ним, порядок наводить!

– Ну поедет он. А далее что?

– А ничего! Заранее место подберешь, чтоб немного не доехать до станка. Чтобы лошадь на том месте придержать – на повороте, али камень на дороге мешать проезду будет. В том месте людишки из кустов выскочат, на Карагаева насядут – тут ему и конец.

– А я, испугавшись, в станок поскачу, тревогу поднимать? Напали, мол... Так, что ли?

– Так. Только шибко не спеши, с тревогой-то. Дай людишкам дело сделать. Двое после того, как Карагаева кончат, в бега подадутся. В Ведерниковском станке солдат караульной команды всего трое. Все за беглыми не побегут, не положено. И все едино – дай беглым подальше уйти.

– Так ведь все равно поймают. Я слышал, на Сахалине долго не бегают... А как поймают – допросят. И всё наружу выйти может...

– А енто уже не твое дело, Барин! Твоя забота – Карагаева на место привезть, спытание нашенское сдюжить. Ну и, канешно, когда людишки из кустов выскочат – гляди, чтобы Карагаев за револьверты свои не успел схватиться. Если что – придержишь, силенки, чай, не занимать. Понял?

– Так! – понятливо покивал Ландсберг. – Сначала разговор был – привезти Карагаева на нужное место, и только. Потом говоришь – людишек нужных в ватагу, что столбы ставит, собрать. Теперь, оказывается, еще и придерживать надо Карагаева... Не пойдет, уважаемый!

– То исть, отказываешься каторге помочь, Барин?

– Так ведь выходит, что и так, и этак мне конец, мил-человек! Чего ж мучиться-то понапрасну стану? Про назначенное вами испытание сотня человек в тюрьме, не меньше, слыхала. Донесет кто-то, схватят меня, людей повяжут, которых каторга исполнителями назначила... И Карагаев цел останется, и мне конец. Вот и все ваше «испытание»!

– Отказываешься?

– Отказываюсь. Раз каторга надумала Карагаева порешить, так и без меня порешат. Меня ведь иваны убрать вместе с ним хотят. Разве не так? Я вам поперек горла, уважаемые! Зло на меня держите, что не желаю быть на вас похожими. Что в каторгу пришел, чтоб не по-волчьи жить, а принять наказание, людьми за мой грех назначенное. Так что отказываюсь! – вздохнул Ландсберг, без страха поглядывая на темные фигуры. – Делайте что хотите! Только учти сам, и другим передай, уважаемый! Захотите со мной посчитаться – дорого жизнь моя вам обойдется!

Я солдат, и убивать умею. Слышал, небось? Сколько смогу – столько варнаков на тот свет с собой и захвачу, понял?

– Понял, Барин! Только и ты не торопись! Гонор гонором, а все ж подумай! Каторга до завтра ответ твой окончательный ждать станет.

Завизжала дверь, в светлый прямоугольник проема высунулся кто-то, окликнул:

– Барин, ты тут? Пазульский откушал уже, зовет тебя. Иди поскорейча!

* * *

– Стало быть, ты и есть тот самый Барин! – подслеповато прищурился на Ландсберга патриарх каторги. – Слышал, как же... Молодой ты... Сколько годков?

– Двадцать семь, уважаемый.

– Двадцать семь, – покивал старик. – А присудили тебе пятнашку?

– Четырнадцать лет, уважаемый.

– Я ж говорю – молодой. И выйдешь молодым, коли правильно себя вести станешь. Ладно, Барин, мне пока до тебя дела нету. А позвал потому, что народишко попросил: гордый ты, говорят, очень. Вот, гордый-гордый, а к старику пришел, хе-хе... Да и посмотреть в личность твою любопытно было, каюсь, грешник! Был в третьем номере-то?

– Был.

– Спытание каторжанское принимаешь, Барин?

– До завтра подумать можно, сказали.

– Ну, стало быть, думай!

– Откажусь я, уважаемый. Слышал я, что иваны своему слову истинные хозяева. Захотят – дадут, захотят – обратно возьмут. Так и с моим испытанием. Одно пройдешь – второе назначат, потом третье.

Пазульский усмехнулся, потербил длинную желтоватую бороду.

– Насчет спытания я тебе слово свое, варначье, даю, Барин! Пройдешь достойно – никто тебя второй раз трогать не станет. Мне-то веришь?

– Верю, уважаемый. Тебе вот – верю.

– Вот и ступай с богом! – Пазульский зевнул, широко распахнул пустой, без зубов рот. – А я спать лягу. День прошел, завтра другой настанет – всё мне, старому, радость. Ступай, Барин!

Вернувшись в избу к Фролову, Ландсберг на осторожные расспросы хозяина отвечал уклончиво, а то и рассеянно, невпопад. Чем и перепугал осторожного Фролова окончательно. Что квартирант, что хозяин до утра проворочались без сна, молчали, да изредка покашливали, пили воду.

Утром, явившись на службу, Ландсберг сразу заметил, что атмосфера в канцелярии ощутимо изменилась. Писари из каторжных многозначительно переглядывались, говорили слегка развязным тоном, а двое и вовсе не по имени-отчеству, а Баринином окликнули – несмотря на строжайшее, с самого первого дня службы Ландсберга, его предупреждение и настоятельную просьбу.

На первый раз нынче Ландсберг кличку, резавшую слух, стерпел. После второго велел всем собраться в его комнате. Сесть, вопреки обыкновению, никому не предложил, сразу перешел к делу:

– Господа хорошие, мы с вами, кажется, с первого дня договорились: собачьих кличек в присутствии не произносить. Тем не менее, меня сегодня дважды окликнули по-каторжному. В чем дело, господа?

Ответное молчание затягивалось. Наконец, один из писарей, поощряемый взглядами и толчками товарищей в бок, развязно проговорил:

– А что же ты... то есть вы... Что же вы, себя каторжным не считаете, Ландсберг? Должность, она ведь из категории, знаете ли, преходящих... Сегодня инженер, а завтра под нары ползет! А клички, извините, каторжанская традиция-с! Вот вы меня, Ландсберг, тоже можете по кличке звать – я не обижусь!

– Понятно! – Ландсберг побарабанил пальцами по столу, словно мимоходом согнул и разогнул отполированную подкову, доставшуюся ему от предшественника в качестве пресса для бумаг. – Стало быть, мой вынужденный вчерашний визит в кандалную для вас, господа хорошие, тайною не является? Как, вероятно, и сделанное мне предложение? Вы уж не молчите, господа хорошие, честью пока прошу!

– А чего на каторге скроешь, Карл Христофорыч? – миролюбиво отозвался другой писарь.

– Каторга – там, в кандалной! – резко оборвал его Ландсберг. – А здесь, милейшие, казенное присутствие! Говорю последний раз: еще раз услышу кличку – хоть свою, хоть чью – уволю к чертовой матери! И прослежу, чтобы уволенные в древотаски были определены! Всем всё понятно? А теперь пошли вон! Впрочем, Михаила Карпов пусть останется! Остальные – вон!!! И – работать! К обеду проверю исполнение поручений.

Оставшись с Карповым наедине, Ландсберг походил по комнате, успокоился, присел напротив компаньона.

– Ну, Михаила, что скажешь? До тебя, конечно, тоже слухи уже дошли?

– Так – каторга, Христофорыч! Она слухом полнится... Худо дело, Христофорыч! – сплюнул компаньон. – Не знаю, что и подсказать, язвы их всех в бога, душу и прочее! Откажешься от испытания – смерть скорая, лютая. Не спрячешься, не схоронишься нигде. Согласие дашь да попытаешься схитрить – каторга дознается до правды, то ж самое будет! Выполнишь, что велено – власти непременно дознаются! И всплывет, как то дерьмо в крещенской проруби.

– И что же мне делать теперь, друг Михаила?

– Не знаю, Христофорыч! Покуда одно могу сказать – не отказывайся!

– Вот чудак! Да ведь если не откажусь – значит, согласен!

– Посидим, обмыслим это дело, авось и выкрутимся, кумпаньон!

Всецело доверяя «кумпаньону», целиком полагаться на его «обмысливание» Карл тогда все же не стал, и решил провести предварительную разведку местности, где намечалась расправа с Карагановым.

Закончив на следующий день побыстрее дела в конторе, Ландсберг отправился на конюшню и велел заложить коляску для поездки в Ведерниковский станок.

Конюхами при окружной конюшне состояли те же каторжные, в основном из деревенских мужичков. Те, кому посчастливилось в каторге быть приставленными к лошадям, выполняли привычную им извечную работу, своими местами очень дорожили. Нехитрое конюшенное хозяйство они старались содержать в образцовом порядке, чтобы, не приведи господь, не заслужить нареканий начальства и не очутиться опять в душной вони тюремных номеров. Двор и денники всегда были подметены и чисто прибраны, лошади вычищены, а конская упряжь и экипажи содержались исправными.

Подводя к инженеру запряженную в таратайку лошадь, один из конюхов потоптался рядом и вдруг неожиданно спросил:

– Прощения просим, ваша милость...

– Что такое? – нахмурился Ландсберг, ожидавший после своего «визита» в тюрьму все что угодно.

– Не изволите ли быть господином прапорщиком Ландсбергом, ваша милость? – смущенно спросил конюх. – То есть, не сейчас, канешно, а в прежние, то исть, времена?

Карл всмотрелся в лицо конюха. Было в этом лице что-то знакомое, однако мрачные мысли мешали сосредоточиться.

– Допустим, – осторожно признался он. – А ты кто таков? Откуда меня знаешь?

– Ну как же, ваш-бродь! Я сразу вас признал. Под вашим началом в 7-й саперной роте службу проходили. Через пустыню шли вместе, в Туркестанском походе! Помните?

Карл еще раз всмотрелся в лицо конюха, покачал головой:

– Извини, брат, что-то не припоминаю!

– Оно так, оно канешно, – опустил голову конюх. – Солдат-то там скоки было, где всех упомянуть! А вот я ваше благородие запомнил! Совсем мальчишкой ведь, извините, были! Только из «вольнопёров», видать... Наши-то, ротные, спорили об вас даже: долго ли «прапор» бодрячком шагать по пескам будет? Скоро ли скиснет? Прощения просим, канешно...

Первый Туркестанский поход, боевое крещение прапорщика Ландсберга... Такое не забывается! Карл через силу усмехнулся:

– Ну и как спор-то тот? Кто выиграл?

– Вы, ваш-бродь, и выиграли, – посветлел лицом конюх. – Так впереди роты две недели и шагали. Хотя и видать было, что иной раз еле идет человек.

– Понятно, – кивнул Ландсберг. – Полчанин, стало быть? А зовут как? Сюда как попал?

– Мироном крестили, ваш-бродь. А сюды... Жениться я после службы надумал, девицу приглядел, сватов заслал. Да и женился, собственно. А потом отца родного на вилы поднял, – перекрестился Мирон.

– Отца?!

– Отца ваш-бродь. Очень даже обычное в деревне дело. Нас, братьев, четверо в доме было, трое до меня женились, невесток отцу привели. А батюшка мой, царствие ему небесное, крепким мужиком был еще. Жаловались братья промеж собой, что «пользует» батюшка невесток своих в отсутствие сыновей. Я не верил, пока моя Верка со слезьми не покаялась мне, что только я из избы, а старый мерин на сеновал ее силком ташшит. Я два дня как мешком оглушенный ходил, не знал – верить ли, нет ли? Потом решился, напрямки батюшку спросил: правда ли? А он, аспид, хоть бы для порядка отказался, Верку мою бы обвинил в наговоре! Нет, смешки начал строить... Ну я и не сдержался, ваш-бродь. Теперь тута, при лошадах состою.

Ландсберг вздохнул, ободряюще похлопал конюха по плечу, забрался в таратайку. Лишь спросил напоследок:

– Долго еще тебе тут, Мирон?

– Три годка осталось, ваш-бродь. Сдюжу как-нибудь! Ну а вам счастливенько съездить, ваш-бродь! Упредить тока хочу, ваш-бродь: в варнацком спытании, кое вам назначено, хитрить боже упаси! Прознают иваны про хитрость – смерть лютую примете! Оне, варнаки, уж и человечка приставили к вашему благородию – чтобы следил да им докладывал. Кукишем прозывается, гаденыш! Знаете таковского?

– Как не знать! – невесело усмехнулся. – Верно говорят в народе: не делай добра – не получишь зла! А тебе, Мирон, спасибо за упреждение!

Ретроспектива-3

Если бы Антоха Фролов по кличке Кукиш, записной глот из каторжной тюрьмы для испытуемых, имел склонность и способности к объективному анализу и самооценке, то наверняка бы давно и основательно поправил свой собственный статус вечного тюремного сидельца. Еще подростком отпущенный с благословения родного дядьки-старосты из деревеньки под названием Змеевка Тульской губернии на вольные хлеба, Антоха от природы имел вид человека, которому хотелось верить и доверять. Этому в немалой степени способствовали широко раскрытые на мир голубые глаза, умение на лету схватывать пожелания нужного человека и исполнять поручения быстро и даже с некоторой лихостью. И слушать он умел внимательно, и поддакнуть вовремя...

Те самые вольные хлеба начались для Антохи буквально на второй день после его отъезда с обозом из Змеевки – даже до Тулы клешнястые и рахитичные кони довести его не успели. Обозники после ночевки на постоялом дворе только готовились хлестнуть веревочными вожжами по плешивым лошадиным бокам, да не успели, привлеченные шумом и гамом на заднем крыльце кабака. Там хозяин постоялого двора «учил» выволоченного за вихры парнишку-прислужника. Парнишка привычно подвывал после хозяйских тумачков, извивался, однако рвануть прочь, хоть и мог, не пытался – зачем бежать? Поколотят, да и простят небось.

Однако терпение у хозяина на сей день кончилось. Наградив парнишку очередным пинком и сбросив его с крыльца, он поманил ближайшего возчика:

– Слышь, ты, как ты там... Заберите отсель с собой этого аспида! Глаза б мои на него, кривого, не глядели! Увези, право слово, пока до греха не довел! До смертоубийства.

– Подворовывает малец? – догадался мужик. – А мы его куда?

– Да хоть до ближайшего омута! – махнул рукой хозяин. – Ну правда, увезите его, мужики, отсель хоть до ближайшей деревни! Авось там прибьется где ни-то. А то поленится, воровская душа, пешедралом возвращаться. Заберите, мужики! Ей-богу, на водку дам, коли увезете с глаз. У меня и порядочные клиенты порой ночуют, стыдно, говорят, такую кривую воровскую образину при людях держать.

– Увезти хитрость невелика, – согласился мужик-возчик, приняв на ладонь пару медяков на водку. – А тока где ты, хозяин, при нынешних порядках, неворовитого полового себе найдешь?

– Тож правда, – вздохнул хозяин. – Только у этого и рожа-то, видишь, такая, что порядочный человек, увидя, загодя за свои карманы хватается. Мне б попроще, деревенского малого найти. Вот хоть вроде вашего пострела!

– Э-э, дядя, наш пострел нам и самим надобен! – быстро сообразил второй возчик, с завистью поглядывая на медяки у товарища. – Племяш старосты нашего, в город везем, в городскую прислугу отдавать. Расторопен, услужлив, бога боится и старших почитает, во как!

Хозяин поглядел на Антоху еще раз, оценил увиденное и услышанное. Оглянулся на распахнутую дверь, за которой шумели оставленные без присмотра посетители. Много их нынче, а без расторопного помощника и впрямь трудно. Невелика птица, конечно, деревенский староста, а все ж кого попадая бляхою народишко не отметит. А староста, раз в деревне за порядком следит, то и в семействе своем, небось, того пуще.

В общем, ушел тот обоз из постоялого двора без Антохи. И тот до самой зимы при кабаке на тракте прокормился. И поколачивали его, конечно, и за вихры хозяин таскал, однако в общем и целом Антохой был доволен. Он не кусошничал, на копейки, иной раз нарочно хозяином оставленные, не зарился. Всё найденное по-честному, в глаза глядя, приносил и сдавал.

Скоро кое-кто из частых гостей и постоянных проезжающих Антоху отмечать стал. Одним из таких постояльцев был картежник Савичев, на старости лет испортивший руку пристрастием к шустовскому коньяку. В приличные клубы Савичева уже не пускали, все чаще били по традиции подсвечниками, вот и осталось ему на постоялых дворах искать скучающих любителей перекинуться в картишки. Изяшные и незаметные для «лохов» карточные вольты Савичеву уже удавались не всякий раз, вот и задумал он завести способного помощника-подсказчика.

Савичев сделал Антохе конкретное предложение. Тот, недолго поломавшись, согласился войти в шулерскую долю.

И хозяин не без прибыли остался. Отгородил на втором этаже специальный кабинет с солидной мебелью для карточной утехы господ проезжающих, выписал из Тулы несколько ящиков дорогих вин и коньяков. А обслуживал картежников всякий раз непременно Антоха.

Чисто одетый, умытый и аккуратно подстриженный, молчаливый и расторопный – само собой. И у Савичева был вид весьма располагающий, а уж Антоха – с его наивными глазами и

застенчивой улыбкой, опрометью бросающийся исполнять даже не высказанные еще, а только зарождающиеся пожелания господ проезжающих – вскоре стал своего рода живой вывеской честности и респектабельности карточного промысла.

Систему условных знаков Антоха освоил в совершенстве. И к немалому удивлению Савичева, даже предложил несколько придуманных им же приемов облапошивания простаков, рискнувших сесть за стол с матерым шулером.

– Тебя, парнишка, мне бог послал на старости лет! – откровенничал порой после удачного вечера Савичев. – Эх, будь я помоложе, а ты постарше – мы с тобой, Антоха, такое бы предприятие завернули...

Антоха и такие откровения на ус мотал – до поры до времени. И каждую свободную минуту, запершись в своем чулане, разрабатывал картами пальцы по показанной старым картежником методе, осваивал шулерскую ловкость рук. Только мизинцы долго не соглашался специально ломать, чтобы в лубке срослись они чуть гнутыми и более способными для шулерских вольтов.

Хоть и осторожничал Савичев, большую игру на постоялом дворе затеивал не каждую неделю, а при малейшем подозрении нарочито проигрывал, нехорошие слухи все-таки вскоре поползли. Надо было, пока не поздно, убираться из-под Тулы куда подальше. А куда? Как? Без Антохи Савичев уезжать не хотел – где такого другого помощника сыщешь?

И хозяин постоялого двора, привыкший к щедрым отчислениям от картежного промысла, нипочем не желал добром отпустить парнишку. Паспорт вольноотпущенного Антохи Фролова он подальше запрятал, и в полицию грозил сообщить, ежели тот, польстившись на уговоры, без паспорта все же сбежит. Савичев с горя ударился в очередной запой. Антоха, ввиду своей ненужности прислуги при картежном кабинете, вновь был поставлен хозяином на работу в общую залу, чему вовсе не обрадовался – привык за несколько месяцев к приличным, хоть и шумным порой гостям, чаевым и господской еде, коей в кабинете всегда оставалось изрядно.

Проблему – то ли волею случая, то ли по наитию – решил опять-таки он, Антоха!

Думал-думал, да и снес местечковому еврей-портному пожертвованный ему Савичевым нечаянный выигрыш – фрачную пару. Попросил мастера подогнать господскую одежду на свою фигуру. Еврей пожал плечами – если оборванец-половой из кабака желает тратить денежки на совершенно не нужную ему вещь, почему он, честный портной Соломон, должен отказываться от такого заработка?

Надо заметить, что за несколько месяцев сытой жизни Антоха из тощей деревенской «оглобли» превратился в статного юношу, да и выглядел старше своих пятнадцати лет. Даже старый Соломон ахнул и всплеснул руками, когда оборванец обрядился в подогнанный по его фигуре фрак и брюки французского покроя. «Уж не послал ли бог в его скромную мастерскую графа Монтекристо, или, на худой конец, чьего-то незаконнорожденного сына из благородной фамилии, вынужденного скрывать свое высокое происхождение?» – пошутил даже Соломон. И предложил Антохе дополнить фрачный наряд манишкой и галстуком-бабочкой.

Нагруженный обновками, Антоха пробрался в комнату Савичева, где тот храпел в обнимку с очередной бутылкой. Тихо переоделся, намалевал перед зеркалом тоненькие усики и разбудил учителя и наставника.

Пробудившись, тот поначалу просто не узнал Антоху и обратился к нему как к милостивому государю. Потом замолчал, старательно протер глаза, перекрестился. Вылив себе на голову над лоханью целый кувшин холодной воды и даже не вытираясь, Савичев подвел Антоху к окну, придирчиво осмотрел со всех сторон, вздохнул и опустился в кресло.

– Я говорил – мне тебя бог послал! – от души отозвался он. – Поддай-ка мне бумажник из-под перины, господинчик хороший! А сам быстренько переодевайся, да зови хозяина. Будем

твой паспорт выкупать, сколько бы этот скряга ни запросил! Да, Антоха, удивил! Прямо граф Монтекристо! И унеси отсюда, к чертовой матери, весь этот коньяк!

– А чё такое – монтекристо какое-то? – поинтересовался Антоха, облачаясь в обычную одежду. – Яврей тот обозвал, и вы, ваш бродь, тож самое говорите.

– Я тебе потом объясню, Антоха! Тебе, кстати, подучиться грамоте и наукам не помешало бы. В приличном обществе вращаться скоро будем!

Савичеву удалось-таки убедить хозяина постоянного двора расстаться с паспортом Фролова. Обошлось это недешево, и «лопатник» старого шулера после выкупа изрядно похудел.

– Да я за такие деньги два паспорта куплю! А то и три! – кричал на кабатчика Савичев в пылу спора.

– Так те фальшивые будут! – стоял на своем хозяин. – А энтог любую проверку пройдет.

– Ну что мил-человек! Мой ты теперь! – Савичев обнял Антоху за плечи. – Да ты не бойся, не обижу! Это я так, любя! Наследником сделаю. А только мизинцы тебе теперь непременно ломать надо – сам судьбу выбрал!

Антоха и сам понимал, что надо. Он не раз с завистью наблюдал за вольтами своего наставника, когда карты, как по волшебству, словно сами собой ложились в тасуемую колоду в нужном порядке. Сам он, как ни бился, повторить такого не мог – хотя Савичев и признавал изрядную ловкость парнишки.

– Не бойся, – повторил Савичев. – По дороге в Петербург заскочим в Москву-матушку, там доктор один живет, свой человек! Он и сломает не больно, и лубок правильный наложит, чтобы косточки срослись как надо. За три недели заживет, потом месяца три придется былую ловкость пальцев восстанавливать. И еще столько же на совершенствование техники. А там!..

– Долгонько что-то – пожаловался Антоха.

– Ничего! Потерпим! Во-первых, – увлеченно загибал пальцы Савичев. – Во-первых, мы эти полгода можем потихоньку, не зарываясь, нынешнюю игру играть. Не в кабаке, конечно – приличный дом найдем, прислугой туда тебя устрою. Во-вторых, учителя найдем, чтобы он тебя, неуча, за это время поднатаскал в науках разных. Рожа-то у тебя, мил-человек, самая что ни на есть подходящая. Наивная, простецкая – а разговор с благородным «лохом» поддержать не способен.

Поначалу у них и получалось так, как планировали. Московский доктор без расспросов произвел требуемую операцию. В Санкт-Петербурге Савичев снял внаем небольшую квартиру и целыми днями рыскал по северной столице, разыскивая старых полезных знакомых и обзаводясь новыми. Антоха начал ходить к учителю-надомнику, однако особыми успехами в науках похвастать не мог.

– Не лезут в меня эти науки, хоть тресни! – жаловался он Савичеву. – Как зачнет этот немчура талдычить, глаза сами слипаются.

Наставник сердился, подумывал над тем, чтобы сменить учителя, да не успел, помер. Пал жертвою собственных страстей, как успел он напоследок шепнуть воспитаннику.

Случилось это на третий месяц проживания Антохи в Петербурге. Савичев, несмотря на клятвенные обещания, стал вновь прикладываться к любимому шустовскому коньячку. И играть начал – чтобы не потерять, как уверял, мастерство. И сел однажды «не за тот стол и не с теми людишками».

У столичных шулеров было свое, крепко сбитое сообщество. Пришлых здесь не любили, справедливо видя в них конкуренцию, а хуже того – провинциальную шантрапу, способную «испортить прикормленное место». К тому же, попытки мухлевать со своими считались у шулеров и вовсе дурным тоном.

То ли Савичев сболтнул по пьяному делу о своих наполеоновских планах покорения столицы, то ли применил в игре запрещенный среди своих прием – Антоха так и не узнал. Савичев куда-то пропал на три дня, а на четвертый за Антохой на квартиру пришел какой-то хмурый

дядька из больницы для бедных, куда полиция свозила побитых да покалеченных искателей счастья.

– Сродственник твой преставляется, – без волокиты объявил он Антохе. – Думали, так и помрет не в себе, а он сѣдни очухался, меня позвал и адрес сей дал. Двугривенный посулил, ежели потороплюсь. Так что пошли, отрок! А то помрет твой родственник, и кукиш с него тогда получишь.

Жестоко избитый коллегами-шулерами, Савичев «крестника» все ж дождался. Сказать, правда, успел немного, больше хрипел и харкал кровью.

– Пропадешь ты тут без меня, Антоха! Верно говорю – пропадешь. Малец ты способный, да толком мастерству карточному обучить я тебя не успел. Уезжай в свою деревню, свои деньги я тебе жертвую, наследство. Корову там купи, что ли... Надел земли...

Разумеется, Антоха никуда из Петербурга не уехал. Несколько дней бродил по каменным лабиринтам столичных улиц в свое удовольствие, едва ли не в каждой лавке покупал сладости и пряники, глазел по сторонам. С квартиры съехал, чтобы не «вязалась» полиция – койку сговорился снять у дворника того же дома. Несколько раз ходил на Сенной рынок, наниматься в прислугу, однако без рекомендаций на приличное место пристроиться было невозможно.

Потом познакомился Антоха с гулящими девками, у одной стал «котом». Девка, на свою голову, и научила Антоху уму-разуму, даже добыла фальшивые рекомендации для устройства на хорошее место. С тем Антоха от нее и ушел.

Руки чесались, а в доме, куда попал прислугою Антоха, в карты вообще не играли. Едва отработав восемь недель, он смиренно попросил расчет, и получил на руки уже настоящую рекомендацию. С нею да с двумя прежними, фальшивыми, он довольно легко нашел место прислуги в приглянувшемся ему доме. Однако первая же попытка склонить хозяина к «хитрой» игре закончилась для Антохи конфузом. Из дома он был изгнан.

Потом Антоха снова попал к продажным девкам, какое-то время обретался у них. Снова попытался устроиться в приличное место – да ничего не вышло. И покатился несостоявшийся «мастак» Антоха по наклонной. Украл раз, второй – был пойман, бит и попал под арест. Поймали еще раз – тогда Антоха прибился к шайке воров-домушников, «работавших» по наводке. Во время очередного ограбления вышло нехорошо: хозяева проснулись и подняли шум. У домушников был уговор: уходить без крови. Тем не менее самый отчаянный налетчик, разозленный неудачей, взялся за топор и порешил старую хозяйку и горничную.

Через несколько дней полиция шайку взяла, и налетчики решили «повесить» убийство на самого молодого, на Антоху. Тут и каторга ему вышла!

В каторге Антохе тоже не везло. Владея приемами карточных вольтов, но не имея жизненного опыта, он решил было играть сам по себе. Такое каторга не прощает. Антоху стали бить едва не каждый день, не давали проходу, и в конце концов загнали под нары, где по жестокому каторжанскому «уставу» обитали самые бесправные арестанты.

Сломанный таким образом, Антоха со своим жалким положением свыкся, в глаза всем заглядывал искательно и отыгрывался лишь на каторжанах-«первоходках» и мужичках, взятых от «от сохи» на время.

Тем не менее, испитое и быстро постаревшее на каторге лицо Антохи каким-то образом все же сохранило прежнюю наивность, и на незнакомого человека еще могло произвести впечатление, вызвать к себе доверие. И это спасало Фролова от окончательного падения: каторжные иваны время от времени поручали ему деликатные делишки на воле.

Глава четвертая. Настоящее испытание

До Ведерниковского станка было двенадцать верст пути, с одним попутным станком, в восьми верстах от поста Дуэ. Собираясь в дорогу, Ландсберг, еще не сообщивший иванам о своем решении, кое-что все же предпринял. В лавке Бородина он, ощутив тронув первое полученное жалованье, купил пять фунтов сахара, а в следующей лавчонке дрожжей. Покупка предназначалась для зрителя того самого попутного к Ведерниковскому станку, отчаянного пьяницы. Уединенность и малопроезженность тракта подвигли зрителя на незаконное и преследуемое по закону занятие – винокурение. Ландсберг уже знал, что в полуверсте от станка, в землянке, зритель ставил брагу и потихоньку гнал пьяное зелье. Случалось это, правда, не часто – сахар на Сахалине был весьма дорог, а ягодный сезон еще не наступил.

За последнюю неделю дождей на Сахалине не было, и благодаря этому обстоятельству дорога в станок была в приличном состоянии. Лошадь исправно перебирала мохнатыми ногами, колеса экипажа не ныряли в выбоины и промоины, не застревали в липкой грязи.

Наслышанный о Карагаеве, Ландсберг знал, что тот был из военных фельдшеров, в свое время попал в Карийскую каторгу за какое-то воинское преступление, отбыл там десять лет. А потом, как это нередко случалось с осужденными нижними воинскими чинами, изъявил желание стать надзирателем. Доказывая тюремному начальству свою преданность и старательность, такие надзиратели из бывших острожников обычно становились самыми жестокими притеснителями арестантов. Почти у каждого из них, как правило, была в прошлом темная история обиды на бывших товарищей и яростное желание мстить за эту обиду либо унижение. Неудобную злобу к каторжникам у таких людей подпитывало и то, что и в вольном обществе они продолжают оставаться изгоями. Карагаев был изгоем и для каторги, и для тюремной администрации Сахалина.

Но, как понимал Ландсберг, всеобщие презрение и ненависть к Карагаеву не означало то, что расправа с ним будет расследована спустя рукава. Скорее уж наоборот: тюремная администрация положит все силы, чтобы найти и примерно наказать исполнителей и зачинщиков расправы. Иначе было нельзя: на Карагаеве и ему подобных держалась вся каторга, дисциплина среди самых темных и отчаянных отщепенцев и отбросов общества.

Лениво пошевеливая вожжами, Ландсберг машинально отмечал в голове и рельеф местности, по которой катилась его коляска, и профиль дороги. Иногда он натягивал вожжи, выскакивал из коляски и более внимательно осматривался вокруг, определяя наиболее удобные точки будущей засады. Его ничуть не смущало при этом, что до указанного иванами места еще далеко: верить до конца каторге и ее иванам у него не было никаких оснований.

Чуть кривоватая шеренга телеграфных столбов новой линии тянулась вдоль всей дороги в Ведерниковский станок. Провод на столбах еще не был провешен. Огромные черные вороны изредка взлетали и тяжело усаживались на верхушках столбов, внимательно следили за проезжающей коляской.

Лошадь подняла на ходу голову, коротко фыркнула, и тут же Ландсберг ощутил в воздухе легкий дымок, признак приближающегося человеческого жилья. Да, пора бы уже и быть Силинскому станку, названному по имени давнего зрителя Афанасия Силина.

Домишко зрителя был сооружен чуть в стороне от тракта. Низкая кривая труба курилась дымком, однако ни на шум подъехавшей коляски, ни на оклик и посвист Ландсберга никто не ответил.

Опять Афоня в своей смолокурне пребывает, отметил про себя Ландсберг. Набрал в легкие побольше воздуха и свистнул громко. Лошаденка от неожиданности присела было на задние ноги, и только натянутые предусмотрительно вожжи удержали ее от бега.

Немного погода откуда-то из леса донесся приглушенный ответный свист, и Ландсберг присел на крыльцо в ожидании хозяина.

Смотритель Силин при виде гостя засуетился, при виде гостинцев по-детски обрадовался. Улыбался шербатым ртом, пересыпая из ладони в ладонь колотые куски сахара. Долго и истово нюхал дрожжи.

– Ну, теперя дён через десять добро пожаловать на мой первачок, ваш-бродь! У-ух, и знатный первачок будет! – радовался Силин. – А то я, ваш-бродь совсем уже измучился – на кореньях да березовой водице бражку ставить! Одна видимость, а не вино! А ты тут чего? По делу, в Ведерниковский собрался? За столбами доглядывать? Тогда упрежу тебя, хорошего человека: был я в Ведерниковском станке днями, за солью ходил. Гляжу – еловый лапник народ жтёт. Откель у вас ельнику взяться, спрашиваю, коли на столбы вы лиственницу непременно валить должны?

Силин присел рядом с Карлом на крылечко, не выпуская из рук гостинцев.

– Ель – дерево хлипкое, гниет быстро, а вы чево, спрошаю? – продолжил он. – А они мне: далече за болотом листвяк подходящий добывать надо, говорят. Таскать оттель несподручно, топко! Вот мы, дескать, и приспособились: на короткие столбы, что в землю закапывать, смолы погуще намазать – авось за лиственничную подпорку и сойдет!

– Ну, спасибо, Силин! Погляжу там, – поблагодарил Ландсберг. – На обратном пути останюсь у тебя, чайком побалуемся, Силин!

* * *

Работы на Ведерниковском станке шли, как сразу определил Ландсберг, ни шатко ни валко. Ватага из дюжины рабочих-каторжников была разбита десятником на тройки. Одна валила лес, две других обрубали сучья и таскали лесины к дороге. Остальные копали под столбы ямы, курили смолу, железными обручами притягивали короткие опоры к длинным столбам. Трое солдат из караульной команды, разморенные жаркой погодой и бездельем, составили ружья в пирамиду и занимались кто чем: один полоскал в ручье бельишко, двое лениво шлепали картами. При виде подъезжающей коляски солдаты и десятник было встрепенулись, однако, узнав в приезде начальстве Ландсберга, успокоились и занялись прежними делами.

– Ну-с, Петраков, давай докладывай о результатах работы. Я был здесь у тебя ровно неделю назад. Хвались, – Ландсберг привык не обращать внимание на подчеркнутую демонстрацию малозначимости его как начальства.

Десятник Петраков, сам из каторжных, назначенный на свою должность еще до появления на острове Ландсберга и все время подчеркивающий свою близость к иванам, бросил на инженера короткий неприязненный взгляд, но оговариваться не посмел. Сопя, достал из кармана обрывок бумажки, исписанный каракулями, сунул в бумагу нос.

– Значить, с прошлой среды заготовлено три десятка, да еще четыре столба. Двадцать два уже поставлено, ишшо парочку дотемна сѣдни поставим, должно...

– Выходит, в один день ставите по три столба, – перебил Ландсберг. – Плохо, Петраков! Исходя из имеющихся у тебя душ рабочей силы, положено ставить не менее пяти-шести столбов за световой день. Так и ставили раньше. Я глядел отчет прежнего десятника – и по семь, бывало, ставили. В чем дело, любезный? Грунт трудный? Так и на пройденных участках грунт такой же был, Петраков. Плохо! Дай-ка топор, пошли поближе на твои столбы поглядим. А пока вели вырубить шест из тонкомера. Длинной в три четверти столба с опорой.

Ландсберг быстро зашагал от одного столба к другому, замеряя складным метром высоту вкопанных в землю опорных столбиков. Все последние опоры были чрезвычайно густо вымазаны смолой – так что ее потеки образовали под каждой опорой немалую лужицу.

– Не жалеешь смолы, Петраков? – покосился на десятника Ландсберг.

Он подобрал с земли щепку, очистил от смолы участок опорного столба и начал стесывать топором верхний слой древесины.

– Так-так-так, Петраков! Смолы тебе не жалко, значит? А себя? Что сие означает? Это же не лиственница, а ель!

– Не доглядел, должно, за работничками своими. Вот собаки какие! Ну, я им кузькину мать-то покажу! – десятник грозно обернулся на рабочих. – Случайность вышла, господин инженер! Мигом справим!

Дойдя до последнего столба, Ландсберг зашагал дальше – туда, где трое каторжных кирками и лопатами копали очередную яму.

– Здорово, ребята! Бог в помощь!

– И вам здассте, ваш-бродь.

– Какой глубины ямы копаете, ребята?

– Известно какой... Полторы сажени.

– Точно полторы? Не меньше? Чем замеряете?

– Струментов у нас нетути, замерять-то. Ветку сунем в яму, прикинем, ишшо копаем, если надоть...

– А десятник проверяет глубину?

Каторжные переглянулись.

– Дык когда как, ваш-бродь. Иной раз подойдет, заглянет...

– Понятно, – Ландсберг подошел к лежащему неподалеку столбу с привязанной уже опорой, замерил ее длину. – Почему опора на четыре вершка короче, чем положено?

– Не можем знать, ваш-бродь. Мы-то землю копаем тока. Столбы-то готовые иные людишки подносят.

Убедившись, что и последняя опора сделана из еловой лесины, Ландсберг пошел обратно к биваку. Взял вырубленный по его приказу шест, наугад подошел к одному из столбов. Упер его в верхнюю часть столба, с силой качнул в одну сторону, в другую. Подошел к другому столбу, проделал и там ту же процедуру. Вернулся к бросившим работу и сгрудившимся арестантам, попросил:

– Покажите-ка, ребята, где ночуете, где кашеварите...

Оглядел ветхие шалаши с грудями тряпья, покачал головой и поманил десятника.

– Проводи до коляски, Петраков. Делать мне тут нечего. Как и тебе, похоже...

– Дык не сомневайтесь, господин инженер, все исправим в лучшем виде! Недоглядел, извиняйте уж!

– Недоглядел, говоришь? Слушай внимательно, Петраков! Последние три десятка столбов надо будет из земли вынимать. Думаешь, я не вижу твою хитрость? Ямы копаете мельче, чем положено. До глубины промерзания грунта зимой не доходите. А чтобы незаметно было, столбики опорные короткими делаете. Ты что, не понимаешь? Придет зима, ударят морозы. Грунт смерзнется, столбы выдавливать начнет, они покосятся. Далее: по какому праву ель вместо лиственницы на опоры ставишь? Ее хоть вымочи в смоле, все одно через пару лет сгниет в земле. И что это за телеграфная линия будет? А спрос с кого? С меня, Петраков, начальство на следующий год спросит! А то и в саботаже обвинит.

– Дык ведь все переделывать надоть, господин инженер! Откель я про промерзание твое знал? Мы люди темные.

– Не валяй дурака, Петраков! Не валяй! Про границу промерзания, может, ты и не знал, а вот про то, какой глубины ямы под столбы копать, сорок раз было сказано. И потом – сам-то где спишь? В избе? А рабочие почему на голой земле, под дырявыми шалашами?

– Дык с места на место переходим, чаво напрасно городить-то?

– Петраков, я вернусь сюда через два-три дня. Привезу еще рабочих. Все, что сказал – к моему возвращению должно быть исправлено. Не сделаешь – вылетишь из десятников белым

лебедем! И докладную напишу про все твои «недогляды». Сам ямы копать станешь, а раньше тебя начальство на «кобылу» положит, сам знаешь! Всн понял?

– Понять-то понял, господин инженер! – Петраков смотрел на Ландсберга недобро, зло усмехался. – Не по-людски у нас с вами получается... Вы ведь, извиняйте, тоже из... нашенских? С последним сплавом пришли? Нешто не знаете, что наш брат, каторжный, держаться друг за дружку должен? Не гадить на голову своему брату-арестанту. А вы «кобылой» меня страшаете, агромадную работу переделывать велите. Твой же брат, каторжник, будет по твоей указке лишний раз спину ломать!

– Значит, меня подводить ты считаешь вправе, Петраков? Ответственную работу, за которую я в ответе, абы как лепить можешь? Это по-братски, как ты изволишь выразаться? А я молчать должен про твои грехи?

– Воля ваша, господин инженер. Молчать заставить не могу, как и разум свой дать. Тока гляди сам, народ у нас на каторге злой. Ты вот один по тайге на колясочке ездиешь – а в тайге, господин инженер, всяко разное бывает...

– Ты, Петраков, злостью народа здешнего не прикрывайся! За рабочих я и без твоей подсказки заступлюсь. А где чисто твоя вина – тебе и отвечать. И моргать перед ватагой за зряшную работу, которую ты же и допустил – тоже тебе. А пугать меня, Петраков, не советую! Я ведь и без начальства с тобой разобраться могу. По-нашенски, как ты изволишь выразаться.

Вернувшись к вечеру в пост, Ландсберг предпринял первый решительный шаг: попросил Михайлу Карпова передать иванам про свое согласие на испытание. Михайла покивал:

– Разумно, Христофорыч, решил! Поглядим! Я сегодня, как в кандальную с твоим ответом схожу, покручусь там сколько можно. Может, с кем из людишек потолкую, что и как... Поглядим, говорю!

Два дня «головка» каторги, получив согласие Барина на «спытание», проверяла лишь его терпение, никаких указаний Ландсбергу не давала. Разведка Карпова тоже пока результатов не принесла: если иваны что и замышляли, то вслух это не обсуждалось.

Об увиденных на Ведерниковском станке безобразиях Ландсберг на утренних раскомандировках пока тоже говорить не спешил. Как и обещал, на третий день он снова съездил туда – поглядеть, правильные ли выводы сделал для себя десятник Петраков? Оказалось, что верные. Каторжники работали как проклятые: почти все дефектные столбы были вынуты из земли, еловые опоры заменялись на листовенничные. На Ландсберга рабочие, конечно, глядели все как один злыми глазами, однако вслух не роптали. Пообещав еще раз прислать дополнительных рабочих, он уехал в пост, дожидаться указаний иванов.

И дождался. В тот же вечер один из канцелярских писарей передал ему клочок бумаги с несколькими фамилиями, среди которых были Трифонов и Афанасьев, упомянутые иванами как приманка для Карагаева.

И уже на следующей утренней раскомандировке Ландсберг объявил, что темпы работ по прокладке телеграфной линии неудовлетворительные, и что количество рабочих на Ведерниковском станке необходимо увеличить. Тюремный смотритель не возражал: бери арестантов сколько хочешь, господин инженер!

– Шестерых пока будет достаточно, – уверил Ландсберг. – Вот только не абы кого... Позволено ли будет мне самому отобрать рабочих?

– Выбирай, коли охота возиться с этими скотами! – махнул рукой смотритель.

– Слушаюсь, ваше благородие. Я же и сам, с вашего позволения, отобранных завтра на станок бы и отвез.

– А пешком не дойдут? – фыркнул кто-то из надзирателей. – Не много ли чести арестантов на телеге возить?

– Пеший переход с инструментами и имуществом потребует потом отдыха, – возразил Ландсберг. – Доставленных же на телеге рабочих можно будет сразу же по прибытию на Ведерниковский станок приставить к делу.

И вопрос был решен. Карл не мог решить для себя другого, главного вопроса: везти на верную смерть Карагаева или нет? Следующий ход в этой «игре» был за иванами.

Не без основания полагая, что они не сегодня-завтра снова могут пригласить его на «толковище» в кандальную тюрьму, Ландсберг решил сделать упреждающий ход. Он снова отправил к иванам «кумпаньона».

Приняли Карпова иваны не то чтобы неласково, но с изрядной долей настороженности.

– От Барина я, – как и положено «серой шпанке», Карпов стоял перед нарами Ивана Пройди-Свет смирно, шапку мял в руках, в глаза не глядел.

– Смотри-ка, народ, Барин-то тоже «шестеркой» обзавелся, – хохотнул Пройди-Свет. – Ты сам-то кто таков будешь?

Карпов скромно, но с достоинством, по «понятиям», представился. Вторая «ходка» Михайлы в каторгу иванов впечатлила.

– Ну, с чем пришел, Михайла? Что Барин передать-то велел?

– Завтра с рассветом Барин новых людишек на Ведерниковский станок везет, – доложил «парламентер». – А через два дня после того снова туда поедет, работу проверять. Просил передать: работа ему не понравится, и после той поездки он на раскомандировке об том доложит.

Пройди-Свет быстро переглянулся с сообщниками, потихоньку обсевшими нары.

– А ты, Михайла, значить, при Барине в конторе состоишь? Доверяет он тебе, значить? Про наши с ним делишки знаешь?

– Нет, он не говорил, а я не спрашивал! – затряс головой Михайла. – Мне лишнее ни к чему, сам знаешь, уважаемый.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.